

ЭЛИЗАБЕТ ФОН

АРНИМ

*МИСТЕР
СКЕФФИНГТОН*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Элизабет фон Арним
Мистер Скеффингтон

«Издательство АСТ»

1940

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

фон Арним Э.

Мистер Skeффингтон / Э. фон Арним — «Издательство АСТ»,
1940 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-155209-1

Титулованная красавица Франсес (Фанни) вынуждена выйти за богатого бизнесмена Джоба Skeффингтона. Этот мезальянс вызывает всеобщее возмущение светского общества. Перед «несчастной» выстраивается длинная очередь джентльменов, пытающихся «спасти ее от грубого торгаша» и буквально внушающих Фанни, насколько муж ее недостойн. И никто — даже сама миссис Skeффингтон — не догадывается: доброжелательный, мягкий, долготерпеливый супруг способен подарить ей то неявное, неяркое счастье, от которого, право же, не стоит отказываться из соображений пустого снобизма...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-155209-1

© фон Арним Э., 1940

© Издательство АСТ, 1940

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Элизабет фон Арним Мистер Skeffington

Серия «Эксклюзивная классика»

Elizabeth von Arnim

MR. SKEFFINGTON

Перевод с английского Ю. Фокиной

Серийное оформление А. Фереза, Е. Ферез

© Школа перевода В. Баканова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Глава 1

Казалось бы, Фанни давным-давно развелась с мистером Skeффингтоном, притом по причине совершенно неотразимой, так почему же мистер Skeффингтон вдруг стал занимать все ее мысли? Стоило Фанни закрыть глаза во время завтрака, мистер Skeффингтон возникал за столом, отделенный от Фанни блюдом для рыбы, а в последнее время мог явиться буквально за любым предметом, даже если Фанни вовсе и не закрывала глаз.

Особенно ее беспокоило отсутствие на столе рыбы как таковой. Рыбу подавали на завтрак лишь в тот недолгий период, когда мистер Skeффингтон распорядился в доме на правах супруга, поскольку он был человек, весьма приверженный традициям, и ему нравилось, что на столе стоят те же кушанья, к каким он привык с юности. С исчезновением мистера Skeффингтона исчезло и блюдо для рыбы – серебряное, с электроподогревом; нет, мистер Skeффингтон не прихватил его, покидая дом: он был слишком подавлен, чтобы думать еще и о посуде, – просто завтрак Фанни с того самого дня, как ушел мистер Skeффингтон, состоял из половинки грейпфрута.

Разумеется, Фанни изрядно беспокоил тот факт, что она видит и мистера Skeффингтона, и блюдо, отлично зная, что ни первый, ни второе не присутствуют в столовой. Фанни даже чуть не обратилась к врачу; впрочем, она была не из тех, кто бежит к врачам по всякому поводу, и решила выждать время. Полагая себя женщиной в высшей степени здравомыслящей, Фанни рассудила так: приближается ее пятидесятый день рождения, и что же может быть естественнее для человека, который достиг вехи, подразумевающей избавление от иллюзий, чем возвращаться мыслями к некоей исходной точке, а при попадании в оную – что неизбежнее, чем напороться на мистера Skeффингтона? В свое время он играл в жизни Фанни главную роль. Он стал – это Фанни полностью признавала – краеугольным камнем всей ее карьеры. Благодаря распоряжениям, сделанным мистером Skeффингтоном (это были распоряжения человека сверх всякой меры богатого и сверх всякой меры любящего), Фанни сейчас так хорошо обеспечена. Благодаря супружеским изменам мистера Skeффингтона... Позвольте: разве это нормально – благодарить измены? Как бы то ни было, благодаря его изменам Фанни свободна.

Что за дивное ощущение – быть свободной. Двадцать два года восхитительной свободы получила Фанни, и насладилась каждой минутой; чуточку портили жизнь только финальные минуты ее романов, когда раздражает абсолютно все, да еще минуты последних месяцев, когда Фанни восстанавливалась после тяжелой болезни, не имела других занятий, кроме размышлений, и начала размышлять о мистере Skeффингтоне. Возможно, к мрачным сферам ее мысли перенаправила в высшей степени неприятная дата – пятидесятилетие, – что маячила перед нею, все приближаясь. Возможно, проблема состояла в противной телесной слабости – последствии дифтерии. Возможно, дело было в том, что прекрасные волосы Фанни выпадали теперь целыми пригоршнями. В любом случае перенаправление мыслей произошло, и человек, некогда бывший ее мужем, появился, словно только того и ждал, и, поначалу призрачный, с пугающей быстротой сделался четким и ярким, то есть прискорбно реальным.

Впрочем, видения имели место лишь в последние несколько месяцев, и скоро, совсем скоро пройдут, думала Фанни; ей просто надо окрепнуть. До болезни ведь жизнь ее была совсем безоблачной! Исполненная сияния, она припасла для Фанни целый ящик восхитительных сюрпризов, занятных персонажей – таких, к примеру, как будущие любовники (в определенный период времени словно бы весь мир жаждал благосклонности Фанни), – а все потому, что мистер Skeффингтон раз за разом являл неспособность устоять перед молоденькими машинисточками.

Как негодовала Фанни по поводу этих машинисточек, пока ее не осенило: на самом деле они не что иное, как врата свободы. Когда она увидела наконец-то машинисточек в их

истинном свете, щелкнули одновременно семь замков, и врата распахнулись, и Фанни бросила негодовать, и возликовала (очень сомневаясь, что именно ликование будет в данной ситуации уместно). Определенно ей не следовало ликовать, но поистине трудно было не наслаждаться этим новым этапом бытия – без мистера Skeффингтона. Никогда, ни в какой период замужняя жизнь не радовала Фанни. Она признавала данный факт с большим сожалением. Ко всему прочему, мистер Skeффингтон был еврей. Фанни, лишенная предрассудков, закрыла бы глаза на это обстоятельство, но, увы, мистер Skeффингтон еще и выглядел как еврей, и как еврей держался, а ведь ни в том, ни в другом не было ни малейшей нужды. Многие знакомые Фанни тоже сочетались браком с евреями, но ни один из этих евреев не производил столь неотразимого впечатления, что он еврей, какое производил Джоб (мистера Skeффингтона звали Джобом, а это имя у всех и каждого ассоциируется исключительно с несчастливой судьбой)¹. Но тут уж мистер Skeффингтон ничего поделать не мог, и потом, он был очень, очень добр. И Фанни, девушка правильного воспитания, убежденная, что следует держать клятву верности и отвечать добром на добро, тоже была очень, очень добра. Сердцу, однако, не прикажешь. Скоро Фанни обнаружила, что брак с человеком, возвращенным в иной среде, изобилует камешками преткновения; притом ей пришлось перейти в другую веру, и это было весьма досадно, несмотря на изначальную нерелигиозность Фанни. Вот почему, когда мистер Skeффингтон дал ей целый ряд однотипных поводов для избавления от своей особы без потерь для чести, Фанни, сначала разгневавшись, в итоге осталась довольна.

* * *

Она отлично знала, что ее реакция на измены мистера Skeффингтона совершенно неадекватна, но ничего не могла с собой поделать. Ее гневу следовало нарастать, как и ощущению, что она несчастна, однако все шло по-другому. Вынужденная простить мистеру Skeффингтону первую машинисточку (столь глубоки были его раскаяние и стыд), известие о второй машинисточке Фанни приняла куда спокойнее, хотя, конечно, гордость ее была задета. Зато, узнав о третьей, она осталась почти невозмутима. Четвертая всего-навсего заставила ее задуматься, какой конкретно своей чертой мистер Skeффингтон берет молоденьких женщин (наверное, деньгами, сама себе ответила Фанни). К пятой машинисточке она явилась лично и спросила ее в лоб (девица со страху вся скукожилась), что она находит в мистере Skeффингтоне. Обнаружив наличие шестой, купила себе несколько шляпок, ну а после седьмой ушла. Ушла насовсем. Ушла и не виделась с мистером Skeффингтоном до той самой минуты, когда они оба оказались в зале суда на бракоразводном процессе. С тех пор они не встречались; лишь один-единственный раз взгляд Фанни упал на мистера Skeффингтона. Это было вскоре после ее освобождения. Она ехала в своем автомобиле – в его автомобиле, если смотреть на вещи беспристрастно, – и застряла в пробке на Пэлл-Мэлл, а мистер Skeффингтон направлялся к своему клубу, – так они и пересеклись. Прелестная Фанни положительно светилась за стеклом, в темном нутре автомобиля; вожденная мечта, создание, привилегии поклоняться которому добиваются все, а заслуживают единицы. Невероятная шляпка образца начала лета 1914 года прикрывала пышнейшие мягчайшие локоны, которых мистер Skeффингтон, бывало, касался с благоговением; безразличие Фанни потрясло его и своей абсолютностью, и скорым сроком возникновения. Фанни не потрудились даже повернуть к нему голову. «Разве это не жестокость с ее стороны? Разве не чудовищная жестокость?» – спросил себя мистер Skeффингтон, возмущившись всем своим существом. Разве он не боготворил эту женщину, разве не для нее жил, разве не о ней одной были его помыслы (что, правда, не мешало ему время от времени думать

¹ Библейский вариант этого имени – Иов. Имеется в виду персонаж из Ветхого Завета, праведник, которого Сатана с позволения Бога испытывал в вере, насылая на него все мыслимые беды. – *Здесь и далее примеч. пер.*

еще и о какой-нибудь миленькой маленькой машинисточке)? Но много ли, в долгосрочной перспективе, значат для мужчины конторские служащие, хотя бы и миленькие, и маленькие? Ничего не значат, и даже меньше, чем ничего, в сравнении с обожаемой, неподражаемой и, как он полагал, на всю жизнь данной супругой.

Фанни, однако, наблюдала за ним сквозь ресницы. Она видела, как он оторопел, как сбавил шаг, как густо покраснел. «Бедняга Джоб, – подумалось ей, – он до сих пор меня любит». Далее, пока шофер вез Фанни по Сент-Джеймс-стрит по направлению к ее впечатляющему особняку (точнее, к впечатляющему особняку мистера Скеффингтона, если смотреть на вещи беспристрастно), она рассеянно недоумевала по поводу этой странной, хотя очевидной способности мужчин – испытывать влечение к нескольким женщинам разом. Определенно ведь в жизни Джоба имеют место женщины – даже сейчас, когда он медлит на тротуаре и краснеет от любви к ней, Фанни. Ему просто необходим целый ряд женщин, иначе он не может; одна пусть ждет его дома, другая – в конторе, третья – бог знает где, в Брайтоне к примеру (недаром ведь он так часто ездит в Брайтон; послушать его – за глотком морского воздуха). Но вот же он, едва увидев Фанни, сбился с шага и воззрился на нее этими своими матовыми собачьими глазами, будто она – единственная любовь всей его жизни. И Фанни, убежденная, что в один период времени может быть только одна страсть, принялась взвешивать собственное терпение – положительно ангельское – к грехам мистера Скеффингтона. Она стерпела их целых семь, прежде чем принять меры, хотя могла бы развестись уже после второй машинисточки (и была бы, между прочим, полностью оправдана даже собственной матушкой, свято верившей, что мужа следует держаться при любых обстоятельствах); тогда сладкая свободная жизнь началась бы для Фанни в двадцать три года, а не в двадцать восемь. Плюс еще целых пять лет свободы, и пусть бы в окружении Фанни каждый фантазировал насчет неподобающего обращения мистера Скеффингтона со своей женой, пусть бы визуализировал ее страдания. Вот чего ей стоило ангельское терпение – пяти лет счастья.

Войдя в свою библиотеку, которая больше напоминала оранжерею (такое неправдоподобное количество цветов присылали в тот период Фанни), и обнаружив среди корзин и букетов Джима Кондерлея, лорда Упсвича, пожилого своего (по крайней мере, он казался Фанни пожилым – на самом деле ему не исполнилось и пятидесяти) и страстного обожателя, готового везти ее на ленч, Фанни задалась вопросом, какая другая женщина на ее месте проявила бы столь ангельское долготерпение. Или же ее ситуация вовсе не требовала долготерпения в таких объемах – ибо мистер Скеффингтон не вызывал у Фанни теплых чувств?

От природы честная, не склонная вилять в том числе перед самой собой, Фанни решила, что суть не в ангельском терпении, а в безразличии, которое охватило ее после третьей измены мистера Скеффингтона.

* * *

Но это дела давние, вопреки обратному впечатлению. Фанни тогда было двадцать восемь. Теперь ей почти пятьдесят. Целое поколение мужчин выросло и ушло, точнее – промелькнуло, перед взором Фанни с того дня, когда на Пэлл-Мэлл ей попался мистер Скеффингтон, а чуть позднее, за ленчем в «Беркли», лорд Кондерлей с любовным пылом кормил ее яйцами ржанки (яйца были сварены вкрутую, Фанни разбивала скорлупки и добиралась до плотных, упругих белков). Где-то теперь эти мужчины? Пожалуй, вернулись на землю цветами или травой, были съедены овцами, а затем, уже в виде баранины, – самой Фанни. Все, буквально все рассеялось, растаяло как дым, чтобы перевоплотиться. Вообще жизнь крайне причудлива, размышляла Фанни, вроде коротка, а попробуй дойди до конца: поражает плотностью событий, – но стоит только миновать всего несколькими годам (скоротечностью больше похожим на минуты) – и куда что девалось?.. Родись у нее дети от Джоба, и они сейчас были уже рассеяны, по сути,

утрачены для Фанни. Они бы выросли. Вступили в брак. И превратили бы Фанни в бабушку. Невероятно, что с человеком могут сотворить близкие. Она, Фанни, – и вдруг бабушка! И сделана таковой против воли и даже без спросу!

Внуки. Фанни даже произнесла это слово осторожно, будто пробуя, каков его истинный вкус. Можно годами прятаться от людей, если, конечно, они не станут искать в справочнике «Дебретт» год твоего рождения и не выяснят, что ты вот-вот встретишь пятидесятилетие, но внуков не спрячешь, они таки всплывут. Равно как и факт их отсутствия. А кому по вкусу подобные вычисления?

С другой стороны, внуки могли бы заполнить пустоту. Ведь они врываются в жизнь как раз тогда, когда разные приятности начинают из нее выпадать подобно волосам, – разве нет так? Осенью Фанни опасно болела, температура у нее поднималась до критических значений, и волосы теперь уже далеко не прежние; Фанни знала это и очень переживала. Вообще после болезни ничто не казалось прежним. Несколько месяцев Фанни провела в сельской местности – выздоровление шло медленно, – а по возвращении едва узнала Лондон и всех его обитателей, словно это совсем другой город, а что до людей – они принадлежат к другой расе. Поистине раньше ни улицы, ни лица не были столь мрачны и скучны. И сколько умерло знакомых – будто сговорились, думала Фанни...

* * *

Обо всем этом Фанни размышляла в постели. Брезжило промозглое туманное февральское утро, но в спальне царили тепло и розовые тона. Сама Фанни была в розовой ночной сорочке (еще несколько лет назад она предпочитала для постельных принадлежностей цвет морской волны; занятная тенденция, подумалось ей, наблюдается со спальнями стареющих женщин – спальни неумолимо розовеют); лампы, затененные розовыми абажурами, отчаянно старались придать свежести ее лицу, огонь в камине действовал заодно с лампами. Вся осиянная розовым, Фанни завтракала – точнее, пыталась завтракать – половинкой грейпфрута.

Ледяная кислятина; определенно зимний день следует начинать как-то иначе – с такой мыслью Фанни отодвинула поднос. Она перешла на половинку грейпфрута, чтобы сохранить девическую хрупкость. Допустим, вы остаетесь хрупки (а после болезни не было и быть не могло женщины более хрупкой, чем Фанни), – но что в этом толку, если у вас выпали практически все волосы? Разумеется, Фанни обратилась в салон Антуана, разумеется, купила локоны, но разве это не кошмарно – *покупать* волосы, и кому – ей, у которой всего несколько месяцев назад их было такое дивное изобилие? Одно потянуло за собой другое, ибо женщине, носящей на голове нечто ей не принадлежащее, заказаны многие радости. К примеру, бедняжка Дуайт, последний и самый юный из обожателей Фанни (с определенного момента возраст ее обожателей пошел по убывающей); Дуайт, стало быть, стипендиат Родса² и выпускник Гарварда, боготворивший Фанни с безоглядностью сугубо трансатлантической, уже не сможет благоговейно касаться ее волос (она позволяла Дуайту эту малость, когда он бывал пайнкой). Теперь – не позволит, ибо может случиться ужасное, ибо ужаснейшие вещи случаются с женщиной, которая стремительно разрушается, однако упорствует в том, чтобы держать обожателей.

Воображение быстренько подсуло Фанни нужную картинку, и некий призрачный, едва уловимый звук, каким сопровождается ироничная усмешка, почти сорвался с ее губ, хотя на самом деле для Фанни все было мрачнее некуда. Обожатели играли очень, очень важную роль в ее жизни – можно сказать, важнейшую: наполняли существование оттенками, теплом и поэзией. Без обожателей Фанни будет точно в пустыне. Правда, они создавали ей и немало проблем – ведь каждый из них в свой черед бросался вот этим вот обвинением: что Фанни завлекла его в

² Международная стипендия для обучения в Оксфордском университете; учреждена в 1902 г. Сесилом Родсом.

сети. Без этой фразы не обошелся ни один роман, и Фанни неизменно испытывала потрясение, словно в первый раз. Завлекла в сети? У нее складывалось иное впечатление: это они, обожатели, сами плыли к ней целыми косяками, она же ничего не делала – ровным счетом ничего.

* * *

И вот она лежит в уютнейшей розовой пещере (комфорту ее можно только позавидовать) и думает о своих обожателях, чтобы не думать о мистере Скеффингтоне. За окном густой желтоватый туман, за окном пронизывающий холод; внутри – разомлевшая от тепла Фанни, этакий объект зависти. Зависти? Едва ли. Да, ей тепло, и освещение в спальне как на картинах старых мастеров, но кто бы стал завидовать Фанни, если бы знал: она сейчас – комок зудящих нервов, она глаз не сомкнула всю ночь, а что до грейпфрута, кислого и мокрого, он только усугубил ее состояние. Пожалуй, сказала себе Фанни, с отвращением косясь на бледную кожуру, зимой, пока она еще не совсем оправилась после болезни, надо бы ей завтракать чем-нибудь горячим и более питательным – кусочек рыбы подошел бы...

И, пожалуйста, вот он, тут как тут – мистер Скеффингтон: явился при слове «рыба». Фанни гнала его – а он вызван единственным словом, и Фанни уже не в спальне, а на первом этаже, в столовой: мистер Скеффингтон отделен от нее серебряным блюдом для рыбы, Фанни отделена от мистера Скеффингтона кофейником – именно такова была мизансцена во время столь многих скучнейших завтраков, что пришлось на бесценные годы восхитительной молодости Фанни – ее первой молодости. Мистер Скеффингтон, в перерывах между прожевыванием и проглатыванием рыбы, вскидывал на Фанни влюбленный взгляд и, лопаюсь от несносной гордости собственника, сюсюкал: «А как поживает моя малюточка Фанюточка, моя Фанечка-желанечка в это дивное утро?» – даже если утро было совсем не дивное, даже если дождь лил как из ведра, даже если считанные часы назад, когда мистер Скеффингтон жаждал проникнуть к Фанни в спальню, она дала ему горячий отпор и заверила, что никогда, никогда не будет ни малюточкой его, ни желанечкой, а почему – пускай спросит у машинисток.

Все из-за его непотопляемого оптимизма в отношении женщин, все из-за его страстной неумности.

* * *

Измученная, Фанни откинулась на подушки, закрыла глаза и предалась мрачным мыслям. Она не спала нынче ночью; она изо всех сил старалась не вспоминать мистера Скеффингтона; сцена из прошлого стала последней каплей.

Горничная вошла почти беззвучно, оценила обстановку, убрала поднос, не потревожив своей госпожи, и исчезла. «Вот, значит, каковы мы нынче утречком», – подумала про себя эта женщина по фамилии Мэнби.

«Невыносимо! – говорила между тем Фанни самой себе (глаза по-прежнему закрыты, голова покоится на подушках, незрячее лицо запрокинуто к потолку), – теперь, оказывается, нельзя даже подумать о рыбе без какой-либо связи с *ним*, без того, чтобы *он* не выскочил, словно черт из табакерки!»

Похоже, Фанни все-таки придется идти к врачу – который, конечно, первым делом спросит, сколько ей лет, а когда она скажет правду (какой смысл лукавить с докторами?), он заговорит о специфическом периоде ее жизни. От самой этой фразы Фанни передернуло. Однако дело принимает серьезный оборот. Сейчас февраль; именно в феврале Фанни вышла за мистера Скеффингтона – ну и что же? С тех пор, как она с ним развелась, минуло достаточно февралей, и ни в один из них Фанни даже не вспомнила о бывшем муже. Он был задвинут в прошлое,

лежал тихо, вел себя пайнкой, и Фанни думала, что на нем поставлен крест. А вот нет же – мистер Скеффингтон подстерегает ее за каждым углом.

Надо его окоротить. Кто он такой? Всего лишь фикция, плод ее воображения, но именно поэтому его появления так тревожат Фанни. Свихнуться в пятьдесят лет – скверное завершение блистательной карьеры. И разве Фанни не сделала все, что было в ее силах, разве мало урезонила себя, старалась рассуждать здраво, абстрагироваться от видений? Она велела убрать из столовой стул мистера Скеффингтона; она принимала холодные ванны – чего же еще? Правда, вскоре обнаружилось, что меры эти бесполезны. После холодной ванны ее весь день знобило, а что до стула, так ведь мистер Скеффингтон, будучи плодом воображения, продолжил на свой стул усаживаться. Плоды воображения – они такие, с неохотой признала Фанни. Садятся на что придется, даже на то, чего нет.

Словом, надо что-то предпринять. Иначе нервный срыв неминуем. После сегодняшней кошмарной ночи, которую Фанни вытесняла из памяти мыслями о Дуайте, о бывлой красе своих волос – да о чем угодно, лишь бы сдерживать натиск мистера Скеффингтона, – придется пойти к врачу, хотя это не в стиле Фанни, – связываться с врачами. Ибо этой конкретной ночью мистер Скеффингтон был невыносимо реален. Может, он и плод воображения, не больше; в таком случае он сделал честь ее воображению, явившись столь четким и объемным, и притом в один миг. До сих пор мистер Скеффингтон всего-навсего досаждал Фанни в дневное время: сидел с нею за столом, подкарауливал в библиотеке, провожал в гостиную, – но вчера вечером, в тридцатую годовщину их свадьбы (Фанни как раз вернулась с вечеринки, но отнюдь не в приподнятом расположении духа, ведь все гости были ужас какие зануды), мистер Скеффингтон подждал ее в холле. Он взял ее за руку – во всяком случае, таковы были ее тактильные ощущения – и поднялся вверх вместе с ней, совсем как тридцать лет назад, и торчал в спальне, пока Фанни раздевалась, и встал на колени, чтобы сунуть ее ножки в комнатные туфельки, и даже поцеловал эти ножки – сначала одну, потом другую. Омерзительно, когда к твоим ногам прикладывается губами плод твоего же воображения, подумала Фанни, распахнула глаза и резко села на постели.

* * *

И уставилась на пламя в камине – такое яркое, такое реальное. Восхитительное пламя. Восхитительная спальня и все, что в ней и за ее пределами. Не о чем тревожиться; право, не о чем. Нужно взять себя в руки. А если в груди – противный холод, так это от грейпфрута, и только от него.

Мэнби, судя по всему, способная видеть сквозь стены, скользнула в спальню ровно в тот момент, когда Фанни открыла глаза. Мэнби вошла боком, чтобы в дверном проеме занять минимум пространства и не допустить сквозняка; на подносе она несла утренние письма.

– Какой костюм приготовить миледи – серый или коричневый? Или миледи наденет черный? – спросила Мэнби.

Фанни не ответила. Она повернула голову, бросила взгляд на поднос; колени ее были подтянуты к подбородку и пребывали в замке рук. Писем целая груда – но все даже с виду скучные. Как странно: стоило Фанни вернуться из деревни, как все письма и сообщения, оставляемые по телефону, сделались ужасно неинтересными. Что произошло с ее знакомыми? Теперь уже не услышишь в трубке приятного мужского голоса. Звонят только родственники да приятельницы, а мужчины, подобно волосам, кажется, выпали из жизни Фанни. Нельзя было покидать общество на такой долгий срок. Следы всякого, кто на это решается, очень быстро бывают затоптаны. Конкуренция высока и перманентна; о человеке забывают слишком легко, даром что само предположение, будто легко забудется она, Фанни... само это предположение...

– Какой костюм приготовить миледи – серый или коричневый? Или миледи наденет...

Как странно, думала Фанни, сгребая письма с подноса: почему в последнее время вокруг нее развелось столько зануд? Сплошь скучнейшие мужчины: мужчины, которые ею совершенно не интересуются, – а потому неинтересны и ей самой. Открытие это потрясло Фанни, когда она, вернувшись в Лондон, только-только возобновила посещение званых вечеров. Казалось, Лондон заполонен занудами. Откуда они взялись, недоумевала Фанни. Куда ни отправишься – они гарантированно будут там же. Определенно Лондон переменялся за время ее болезни. Люди, включая приятелей Фанни мужского пола, утратили присущую им живость и не были даже в половину столь заняты, сколь ей помнилось. Они проявляли к ней повышенное внимание, выказывали крайнюю озабоченность возможными сквозняками и тому подобным, но у них не находилось для Фанни иных жестов, кроме дружеского поглаживания ее руки, и иных слов, кроме: «Бедная малюточка Фанни, тебе надо окрепнуть. Хорошее средство – говяжий бульон; попробуй». Все они постарели, а молодые им на замену не явились – не иначе потому, что ритм жизни чудовищно ускорился. Правда, есть Дуайт, но он как раз сейчас держит экзамены (или сдает, или что там делают с экзаменами) и лишь один раз сумел вырваться к Фанни из Оксфорда. Все стали такими серьезными... или даже нет – озабоченными. Раньше только и думали, что о Фанни, а теперь откуда-то взялась рассеянность. Раньше при всяком удобном случае нашептывали ей на ушко разные приятные вещи – чепуху, если вдуматься, – а теперь толкуют о ситуации в Европе, и в полный голос, во всеуслышание. А для Фанни разговор, который слышно всякому, интереса не представляет.

– Какой костюм приготовить миледи – серый или...

Ситуация в Европе, конечно, такова, что поневоле заговоришь во всеуслышание; с другой стороны, сколько Фанни себя помнила, с Европой всегда было неладно, однако не наблюдалось никакой связи между ситуацией в ней и милыми пустячками, нашептываемыми на ушко. Кстати, как давно ей, Фанни, не нашептывали? Вчера, на скучнейшем званом ужине, была одна барышня – не в меру полнокровная и румяная, единственная дочь хозяев дома, – так вот пожилой мужчина, сидевший с нею рядом, что-то шептал ей на ухо. Фанни заметила это случайно, скользнув взглядом через стол, и задумалась: когда в последний раз нашептывали на ушко ей самой? Хозяйскую дочь она не назвала бы и хорошенькой: юность и тугие щечки – вот и все, чем эта девица располагала. Тугощекая юность; похоже, сейчас только она и в цене, сказала вчера Фанни себе самой и снова повернулась к хозяину дома. Ее неприятно кольнул тот факт, что мысль ее оказалась приправлена ядом, ибо никогда раньше – во всю свою жизнь – Фанни не замечала за собой язвительности.

– Какой костюм приготовить...

– Да сколько можно! – вырвалось у Фанни – так утомила ее Мэнби своей настырностью. И тотчас она раскаялась: – Извини, Мэнби. Я не хотела тебя обидеть.

– Все из-за погоды, – мирно ответила Мэнби. – Туманы – они всему виной.

– Как по-твоему, я сейчас более вздорная, чем раньше? – спросила Фанни (в лице ее была тревога, письма она уронила прямо на одеяло).

Мэнби служила Фанни много лет, наблюдала ее на всех этапах. Первый из них назывался «Юная прелестница», далее шел этап «Прекрасная, как всегда», и вот Фанни достигла третьего этапа, и теперь друзья говорят ей: «Ты молодчина». Молодчина. «Дорогая, ты просто молодчина» – вот что Фанни слышала с недавних пор, где бы ни появлялась, и ничего приятного в этом не находила.

– К чему ж так сразу-то, миледи: «более вздорная»; право, ни к чему, – осторожно произнесла Мэнби.

Значит, так и есть: Фанни стала более вздорной, – иначе Мэнби не юлила бы. Поистине прискорбно, когда старость ведет за собой вздорность! Женщине, которой скоро исполнится пятьдесят, следовало бы это учитывать. К пятидесяти годам можно бы, кажется, по крайней мере усвоить правила поведения с прислугой. Безмятежность, а не вздорность должны нести

с собой зрелые годы; с налитым, сочным, благоуханным плодом должна ассоциироваться зрелость. Фанни следует нежиться в послеполуденных лучах жизни, как нежится на солнечной шпалере сладкий абрикос; подобно спелой матовой сливе тяжелить веточку возраста.

Как ночь лапландская, свежа,
Годам ты будешь госпожа³.

Эту строфу незадачливый Джим Кондерлей – вообще любитель цитировать и знаток множества цитат – нашел самой подходящей для утешения Фанни. Она однажды выразилась в том смысле, что быть старой очень плохо, и Джим – тот самый, который кормил ее яйцами ржанки, когда они были, между прочим, на вес золота, – предрек ей свежесть лапландской ночи и неподвластность возрасту.

Конечно, Фанни пока не достигла этапа под названием «Лапландская ночь» – да и до «Молодчины» только-только добралась, – и рассчитывала в «Молодчинах» задержаться. Неприятный этап, неприятный эпитет, тем более что «Молодчина» имеет гадкий подтекст, однако все же лучше, чем «Лапландская ночь»: при всей своей свежести она ассоциируется в первую очередь с холодом. А холода надо беречься, чураться, сколько сил хватит, подумала Фанни и поежилась. В целом ей, пожалуй, следует быть благодарной судьбе: еще некоторое время друзья каждый год будут говорить ей (пусть и не без заминок): «Дорогая, поистине ты чудо».

«Чудо». «Докатилась, – думала Фанни, поднимаясь с постели и ныряя руками в рукава пеньюара (конечно, розового), что распахнула перед нею Мэнби. – Рассчитываю на утешительный приз».

Фанни прошла к туалетному столику и уставилась в зеркало – то самое, что, кажется, совсем недавно возвращало ей совсем другое отражение – торжествующей юной прелести. «Чудо». «Молодчина». Что за определения! Разве могут они иметь иной посыл, кроме: «Учитывая твой возраст, дорогая...», «Несмотря ни на что, душенька...»?

На прошлой неделе Фанни ездила в Виндзор повидаться со своим крестником (он учился в Итоне); юношу как раз выбрали в общество старост колледжа⁴. Его буквально распирало от гордости, и он неминуемо от нее бы и лопнул, если б не поделился с кем-нибудь, кто не входит в число одноклассников. Фанни предприняла поездку из гуманных соображений. Так вот, вернувшись в Лондон, она вздумала пройтись пешком, через парк – день выдался славный, солнечный, без этой зимней сырости. Ну а почему бы и нет? Конечно, недалеко, но и не то чтоб слишком далеко. Конечно, у Фанни ныли ноги – а у кого бы они не ныли после этих мостовых? Словом, никакого подвига Фанни не совершила. Тем не менее друзья, что дожидались в гостиной, чуть ли не в один голос воскликнули, услышав о ее прогулке:

– Дорогая, да ты просто молодчина!

Поистине люди из окружения Фанни превращаются в несноснейших зануд.

– Какой костюм приготовить миледи...

– Ради всего святого, оставь меня в покое! – выкрикнула Фанни, резко крутнувшись на табурете.

Мэнби опасно покосилась на нее и ретировалась (по привычке боком) в ванную, где ей было чем заняться.

³ Искраженная цитата из стихотворения У. Вордсворта «Молодой леди, которую упрекали за долгие прогулки по лугам и рошам». Вся заключительная строфа звучит так: Нет, меланхолии рабой Тебе не стать, когда седой На кудри ляжет снег. Как ночь лапландская, свежа, Спокойной негою дыша, Ты свой закончишь век*.* Здесь и далее, если не указано иначе, пер. Ю. Фокиной.

⁴ Очень престижное, вроде элитного клуба, общество, куда можно попасть только за особые заслуги (например, в спорте).

* * *

А Фанни сделалось стыдно – на сей раз по-настоящему. Она смотрела в зеркало, самой себе в глаза – запавшие, да, но вдобавок – не померещилось ли ей? – еще и с набрякшими веками (все из-за бессонной ночи, которую устроил Фанни ничтожный Джоб), и недоумевала, как могла накричать на преданную Мэнби. Никогда такого не случилось, а то Фанни помнила бы. И вот, после краткой паузы, отмеченной глубокой озабоченностью в связи с переменной, постигшей ее нрав, и еще более глубокой озабоченностью по поводу состояния лица, отраженного в зеркале, Фанни чуть обернулась к открытой двери в ванную и вторично стала извиняться:

– Прости, пожалуйста, Мэнби. Нынче утром я непозволительно раздражительна, о чем очень сожалею.

– Пустяки, миледи, – ответила та, настраивая холодный и горячий краны. – Какой костюм вам пригото...

– Я дурно спала, можно сказать – вообще не спала, – принялась объяснять Фанни. – Наверное, поэтому я сегодня несносна.

– Не стоит переживать, миледи, – изрекла Мэнби, выходя из ванной (тучи, как ей казалось, начали рассеиваться). – Очень печально слышать, что ваша светлость не сомкнули глаз. Желаете принять аспирин? Я принесу. И какой костюм вам приготовить – серый или...

– Это все мистер Скеффингтон, – продолжила Фанни, снова крутнувшись на табурете и устремив в сторону Мэнби полный сожаления взор распахнутых глаз.

– Мистер Скеффингтон, миледи? – эхом откликнулась Мэнби и застыла, потрясенная.

– Он как будто совсем натуральный, – сказала Фанни. Глаза ее по-прежнему были распахнуты.

– Натуральный, миледи? – только и вымолвила Мэнби, ибо этот дом, по крайней мере верхние его покои, не слышали слов «мистер Скеффингтон» вот уж почти четверть века. – Неужто он... неужто мистер Скеффингтон захворал, миледи? – рискнула поинтересоваться Мэнби, тщательно подбирая слова.

– Я не знаю. Я не стала бы нарочно... нарочно... я хочу сказать, что не думаю о нем, не вызываю его образ... а он...

Тут Фанни, не спуская с Мэнби глаз, судорожным жестом откинула со лба волосы и заплакала – к собственному ужасу и стыду и аналогичным эмоциям своей горничной.

– О, о, о! – рыдала Фанни, не делая попыток спрятать лицо, все еще удерживая прядь волос ладонью на темени. – О, о, о!

* * *

Она вообще-то плакала только в финале своих романов, когда все представляется в самых темных тонах, когда чувствуешь себя жалкой и не видишь ни единого солнечного лучика. О чем было Фанни плакать – ведь жизнь так ее баловала. Безмерно счастливая сама (за исключением случаев, упомянутых чуть выше), Фанни щедро дарила счастье окружающим, пока ее не постигла опасная болезнь, пока ей не начал являться мистер Скеффингтон. Иначе говоря, слезы не были ее спутницами. Однако Джоб, подобный духу из гробницы минувшего, повадился к Фанни и лишил ее сна, и теперь на нее страшно смотреть, с ней невыносимо находиться рядом – тут всякий расплачется. Как ей быть? Как положить конец призрачным визитам? Разве не бессмысленно, не бесполезно затворяться от того, кто на самом деле находится где-то совсем в другом месте?

Собственные отчаянные рыдания перепугали даже саму Фанни, не говоря о Мэнби. Ни той ни другой и не снилось, что Фанни способна производить столько шума. Мэнби сходила за водой; Мэнби растворила таблетку аспирина; Мэнби пошевелила поленья в камине; Мэнби позвонила на первый этаж, чтобы в спальню ее светлости принесли бренди, – словом, Мэнби сделала все, что только в силах сделать простая смертная горничная. Теперь она зашла в тупик. Последним ее предложением, продиктованным отчаянием, было вызвать доктора.

– Не надо, – всхлипнула Фанни. – Я сама поеду к врачу. Да, на сей раз поеду. Нынче же. Прямо сейчас. Мне нужен настоящий специалист – простой врач тут не поможет. Вот оденусь, и...

– Какой костюм приготовить миледи – серый или...

– Мэнби, заклинаю тебя, не произноси больше эту фразу! – взмолилась Фанни, взяла носовой платок и промокнула набрякшие веки заплаканных глаз. – Из-за этого вопроса я так... так рассердилась и так... так расстроилась...

– Стало быть, миледи, черный костюм вам приготовлю?

Ни в жизнь бы (призналась Мэнби секретарше, мисс Картрайт, тем же утром, только позднее, когда бедная ее госпожа наконец-то успокоилась настолько, что ее стало можно одеть, усадить в автомобиль и отправить к доктору сквозь туман), ни в жизнь бы не поверила она, Мэнби, что миледи позволит себе распуститься до таких нынешних степеней. Как она вскидывалась на Мэнби – слова ей не скажи! А главное-то – похоже, и впрямь с госпожой все происходит через... – Тут Мэнби прикрыла рот ладонью, убедилась, что их не подслушивают, и выдохнула:

– ...через мистера Скеффингтона.

– Того, который... – выдохнула и мисс Картрайт.

И вытаращила глаза на Мэнби. Мисс Картрайт была в доме человеком новым – прослужила всего шесть недель, – но истинная секретарша способна немало вызнать и в более короткий срок.

Мэнби кивнула.

– Он самый и будет. Муж ейный.

До сих пор в моменты эмоциональных потрясений Мэнби, случалось, переходила на кокни.

* * *

Для начала Фанни поехала к мадам Валезе, которая слыла истинной волшебницей в ситуациях, когда требовалось вернуть женскому лицу былую прелесть. Автомобиль ощупью пробирался в тумане, а Фанни сидела, уткнувшись в меха по самый нос. Это для фильтрации нездорового воздуха, сказала она себе, а на самом деле Фанни пряталась. Пока лицо ее не приведут в порядок, она не может появиться ни перед кем – будь то случайный прохожий или хоть сам доктор, доктор в особенности, ведь, взглянув на ее припухшие веки, он решит, что Фанни уже постиг нервный срыв, в то время как этого пока не случилось. И тогда Фанни очень расстроится, а визиты Джоба, соответственно, участятся.

Целый час она расслаблялась в искусных руках Елены, первой помощницы мадам Валезе. Сама мадам, добросовестнейшая из работодательниц, не рискнула нынче утром выйти из дому, сообщила Фанни бойкая Елена, и тот факт, что на это отважилась «милади», есть прямой укор всем лежебокам и домоседам. Откинувшись в неправдоподобно удобном кресле, Фанни предоставила Елене обложить гудящую свою голову ледяными компрессами; веки блаженствовали под пухлой тяжестью прохладным примочек. На щеки (в тех местах, где кожа особенно одрябла) накладывались порции жирных субстанций, потом стирались, заменяемые порциями дневного крема. Зона подбородка и шеи удостоилась особых стараний. Последней фразой,

которую услышала Фанни, прежде чем погрузиться в сон – ибо она погрузилась в сон, и проспала до окончания сеанса, – был совет Елены пройти экстракурс процедур для подбородка – это весьма поможет. Последней ее мыслью была: «Приплыли: я на том жизненном этапе, когда подбородку требуется экстракурс».

Тут Фанни отключилась, разнеженная манипуляциями Елены, а проснулась не раньше, чем та тоном триумфатора предложила ей посмотреться в зеркало.

Определенно Фанни выглядела куда презентабельнее: следы слез, которым Елена уделила немалую долю усилий, исчезли вовсе, – но абсолютно так же всегда выглядят все без исключения посетительницы салонов красоты: лица этих леди после экстрапроцедур и просто процедур кажутся одинаковыми масками.

Что ж, во всяком случае ее лицо не выдает ни кошмарной ночи, ни утренней истерики, и вообще краткий сон взбодрил Фанни, как-то отодвинул необходимость идти к психотерапевту. Не выждать ли пару дней? Ведь с этими врачами только свяжись – потом так и завязнешь.

Шофер уже подрулил к нужному дому, уже остановился, а Фанни все колебалась. Несколько минут она медлила в автомобиле, играя тонкими трепетными бровями (некогда с целью воспеть эти брови лорд Кондерлей штудировал и раздергивал на цитаты великую английскую литературу – от поэтов-елизаветинцев до Герберта Уэллса).

Шофер терпеливо ждал хозяйского знака.

– Ладно, – в итоге сказала Фанни самой себе и плотнее закуталась в меха, готовясь к решительному шагу. – Раз уж я здесь, надо идти. Надо поговорить со старичком.

* * *

Сэр Стилтон Байлз, именитый специалист по нервным, а также женским, болезням, старичком вовсе не был, о чем Фанни знала бы, если бы с должным вниманием выслушивала жалобы своих вечно хворающих приятельниц. Сэра Стилтона никто не назвал бы юношей, но и на старичка он еще не тянул: ему было тридцать восемь лет. Начисто лишенный врачебного такта, равно как и неудобного багажа в виде сострадания к пациенткам, сэр Стилтон не выбирал с ними выражений. Пусть другие страдают – он на ерунду времени терять не станет, тем более что все эти праздные дамочки сострадания и не заслужили, ибо что вызвало их недуги, если не их же привычка потакать собственным слабостям? Не собирался сэр Стилтон и симулировать сострадание. Его задача – лечить бездельниц, ну или внушать им, что они излечены. Каждый вечер, выпроводив последнюю пациентку, сэр Байлз распахивал окно, чтобы из кабинета выветрились миазмы приторных духов, и восклицал:

– Ох уж эти женщины!

Приятельницы Фанни, все, как одна, страдали нервами; все, как одна, принадлежали к типу женщин, которых в восемнадцатом веке называли светскими дамами, и все, как одна, были в восторге от методов сэра Стилтона. Не в пример прочим докторам с их вкрадчивыми речами, сэр Стилтон действовал как бодрящий холодный душ. Дамы обожали бывать у него в кабинете. От сэра Стилтона они возвращались расхраброванными, готовыми на все. За двадцать минут он умудрялся вселить в каждую пациентку азарт, характерный для участниц гонки, заодно с уверенностью, что главный приз достанется именно ей. Что за блаженство, хором соглашались дамы, когда с тобой не сюсюкают, а сразу дают тебе в челюсть (именно так, по-мужски, они начинали выражаться, побывав у сэра Стилтона). Далее, дамы сходились на том, что сэр Стилтон Байлз наверняка великолепный любовник; гадали, существует ли леди Байлз, и, если нет, удобно ли пригласить сэра Байлза на ужин. Они слетались к нему целыми сотнями. В его кабинете давно воцарилось благоухание (по выражению хозяина, завис неистребимый смог) женских духов. «Боже мой!» – стонал про себя сэр Стилтон, когда порог кабинета переступала особенно надушенная пациентка.

Впрочем, благодаря этим дамочкам он ведь неуклонно богатеет – значит, стоит потерпеть их парфюмы, заодно с куриными мозгами, раз уже в тридцать восемь лет он, Стилтон Байлз, практически на пике карьеры. С недавних пор его методы весьма по вкусу даже при дворе: дважды в неделю его вызывают к принцессам крови. Вот и Фанни, решившись обратиться за медицинской помощью, отправилась, естественно, к самому посещаемому врачу. Заранее записаться на прием она не потрудилась: опыт говорил, что такие, как Фанни Скеффингтон, в предварительной записи не нуждаются, – вдобавок ждать пришлось бы целую вечность. Фанни не просчиталась: придя без предупреждения и обнаружив в приемной изрядную очередь, она проникла в кабинет первой.

Дверь перед ней открыла некая особа, одетая в форму медсестры, но медсестрой не являвшаяся. Фанни она видела впервые, и потому опешила. Никогда еще на ее памяти никто с такой легкостью не брал барьера. Что? Пройти без записи? Как? К сэру Стилтону очередь на несколько недель, и «окошко» вряд ли образуется.

– Даже не думайте, – свысока было брошено Фанни. – Невозможно, и точка.

– По-вашему, мне умирать? – молвила Фанни с улыбкой, которая многие годы имела эффект поистине колдовской и до сих пор была мила.

– Ну что вы! – Предполагаемая медсестра, в отличие от своего босса, располагала начатками врачебной этики. – Будем надеяться, что не все так плохо.

– Передайте доктору вот это, – бросила Фанни, оттерла «медсестру» к стене, шагнула в приемную и достала из сумочки визитку.

«Мой случай не терпит отлагательств» – вот что Фанни нацарапала на визитке. И, поскольку она была герцогская дочь и в высшей степени хорошо обеспеченная бывшая жена невероятно богатого человека, сэр Стилтон, знавший наизусть книгу пэров, не говоря о потенциально полезных фактах о финансистах, продержал Фанни в приемной минут пять, не более.

– Ничего фатального, – констатировал он, сосчитав пульс Фанни и вторично скользнув взглядом по ее визитке.

– Как это ничего фатального! – возмутилась Фанни и начала рассказывать о мистере Скеффингтоне.

* * *

Десять минут спустя она вылетела обратно в приемную; щеки ее горели, глаза сверкали, голова была высоко поднята.

– Вызовите мой автомобиль, будьте любезны, – распорядилась Фанни.

Она теперь представляла собой максимально возможный контраст с той дамой, что пыталась опутать чарами мнимую медсестру.

«Ему снова удалось», – горделиво подумала «медсестра», спеша раскрыть для Фанни дверь, и не удержалась – вслух произнесла:

– Он просто чудесник, не так ли?

– Чудо Господне! – таков был брошенный ей ответ (почти гневный, чуть не сказала себе «медсестра», но отогнала это предположение как далекое от реальности).

Однако Фанни действительно вспылила, а что до глаз ее, так их блеск объяснялся отнюдь не хваленной живительностью байлзовских сеансов – блеск объяснялся негодованием Фанни. До сих пор она так неистовствовала всего один раз – когда узнала о первой измене мистера Скеффингтона. Что за напыщенный индюк этот Стилтон Байлз! Ее приятельницы, рвущиеся к нему, – не более чем толпа мазохисток.

– Зря вы с ним развелись, – изрек индюк, выслушав рассказ Фанни о неподобающем поведении мистера Скеффингтона (крайне полезный комментарий по прошествии двадцати двух лет, ничего не скажешь).

– Как это зря? Но ведь он...

– Сколько вам лет? – по-хамски перебил Байлз.

Фанни сказала правду – глупо было бы лгать врачу, – и он заметил:

– Вот не ожидал.

На этом-то этапе Фанни впервые и почувствовала укол ядовитого жала, ибо, судя по физиономии, удивился Байлз не тому, что Фанни *уже* почти пятьдесят (как ей подумалось в первое мгновение), а тому, что ей *еще нет* и пятидесяти. Осознание причинило настоящую боль.

– Просто я сегодня ночью совсем не спала, – поспешно сказала Фанни, стараясь не показать, как сильно уязвлена.

– Видите теперь, насколько важен сон для женщин вашего возраста?

– Сон важен для всех без исключения, – свысока парировала Фанни.

– Вот именно: для всех, кто не хочет оскорблять взоры окружающих.

Это она-то оскорбляет? Она, Фанни Скеффингтон, которую столь долгие годы абсолютно всюду считали едва ли не прекраснейшим из созданий, а в течение сиянных славой и триумфами пяти блаженных лет так и вовсе самым прекрасным созданием в мире? Она оскорбляет взоры? Она, к которой эти самые взоры обращались, причем даже взоры незнакомцев, и она-то помнит, как светлели лица при ее появлении! Она – «очей отрада, крошка Фанни», как называл ее бедный лорд Кондерлей, сопровождая слова восхищенным взглядом (скорее всего цитировал)⁵. В любом случае речь об отраде, а не об оскорблении, и вообще для тех, кто оскорбляет взоры, таких цитат не припасают.

Разумеется, цитировал Джим давненько, да и встречные незнакомцы, если вспомнить несколько последних случаев и если быть с собою честной, смотрели на Фанни скорее с удивлением, нежели с восторгом. Как бы то ни было, остается Дуайт; не далее как минувшей осенью, как раз перед болезнью Фанни, он объявил, что жить без нее не сможет, что готов бросить университет и сделаться привратником в ее доме, ее буфетчиком – кем угодно, лишь бы иметь счастье видеть Фанни, поскольку она – прекраснейшее из творений Господа Бога. Юноши не говорят подобного женщинам, оскорбляющим взоры. Правда, с тех пор Фанни почти не виделась с Дуайтом: чуть ли не сразу ее свалила болезнь, – зато Дуайт приезжал в Лондон, уже когда она выздоровела, и ужинал с нею. Всего один раз – ну так что же? У него экзамены в Оксфорде. Или (под ледяным, пристальным взглядом Фанни засомневалась) дело не в экзаменах?

Сэр Стилтон – равнодушный, невозмутимый – сидел напротив, но Фанни его словно не видела. Невозможно, думала она, менее чем за полгода столь катастрофически измениться: так не бывает, чтобы за короткий срок прекраснейшее из творений Господа Бога превратилось в оскорбление для взоров. Или бывает?

Сэр Стилтон, отвратительный мужлан, однако, не унимался:

– Теперь, когда дни любви для вас прошли безвозвратно...

Не все же ему перебивать Фанни – на сей раз она оборвала тираду, слишком сильно задетая, чтобы помнить об осмотрительности.

– Ради бога, объясните, – воскликнула она, и вспыхнула, и вскинула подбородок (то есть подставила под бесстрастный взгляд именно те телесные локации, к которым Елена советовала применить экстракурс процедур), – почему вы решили, будто они прошли, да еще и безвозвратно? Откуда вам знать – быть может, я прямо сейчас переживаю период, который вы назвали днями любви?

⁵ Стихотворение Мэтью Прайора (1664–1721), посвященное леди Маргарет Кавендиш-Харли, герцогине Портлендской, в детском возрасте; представляет собой совет молиться Богу и слушаться родителей. Лорд Кондерлей заменил имя Мегги (уменьшительное от Маргарет) на Фанни.

(В конце концов, Дуайт примчится к Фанни, стоит ей только пальчиком шевельнуть, – и про экзамены забудет. Или – под Байлзовым взглядом мысли Фанни снова заметались – не примчится?)

– Моя несчастная леди, – только и сказал сэр Стилтон.

Повисло молчание. Двое смотрели друг на друга: губы сэра Стилтона выдавали сардонический настрой, руки сэра Стилтона поставил домиком; Фанни же была слишком уязвлена, чтобы говорить.

Какими вульгарными мужчинами полон этот мир, думала Фанни; хвала Господу, они принадлежат к низам, и есть мужчины другие – они иначе смотрят на женщину, они женщину боготворят, они клянутся, что жить без нее не смогут. По крайней мере, такие клятвы Фанни выслушивала прошлой осенью – а ведь прошлая осень была совсем недавно, разве нет?

Вне себя от гнева, Фанни буравила взглядом мерзкого Байлза: как он посмел ее жалеть? – но даже в эту минуту сомнения умножились, принимали более отчетливые формы, заползали, подобно промозглому туману, прямо к Фанни в сердце. Допустим – всего на миг, сказала себе Фанни, – что Байлз прав: что она и впрямь достойная сочувствия женщина во власти иллюзий. Допустим, жизнь вот-вот прекратит баловать ее теплом и счастьем (может быть, уже прекратила), что тогда? Что делать такой женщине? Как протянуть вторую половину срока, отпущенного ей в этом странном мире, пройти еще два этапа – пожилой возраст и старость (отсчет начнется в день ее пятидесятилетия)? Чем заняться женщине – бездетной, без каких-либо талантов, без особых интересов? Прежде ее интересы сводились к друзьям и красоте, – и жизнь текла легко и радостно; теперь же ситуация отягощена тем обстоятельством, что по уважительнейшей из причин эта бездетная женщина избавилась от мужа. Помнится, окружающие превозносили ее доброту, говорили, что у нее чудесный характер, но ведь не трудно проявлять щедрость и доброту, когда имеешь все; мало того – когда имеешь все, невозможно вести себя иначе. Доброта была обусловлена счастьем, питалась от счастья. Останется ли Фанни столь же доброй, щедрой, снисходительной и так далее на новом жизненном этапе – в годы, что лежат перед нею, как неведомая земля за верстовым столбом с надписью «50»? Уж конечно, там, после пятидесяти – холод; он будет нарастать с каждым годом, что станет раздевать Фанни подобно разбойнику с большой дороги. Ей вспомнилась давешняя хозяйская дочка. «Тугощечная юность» – так Фанни вчера подумала. Снисходительностью тут и не пахнет. А как насчет доброты? Надолго ли хватит доброты, когда никому дела уже не будет, добра Фанни или нет? И не пора ли уже избавляться от этой привычки – манить пальчиком? Раньше Фанни улыбалась, поднимала пальчик – и тотчас все бросались к ее ногам. Жалкая выйдет сцена, если теперь этот жест не встретит ни единого отклика, ни единого, даже слабого, порыва!

Глаза Фанни потемнели – их затуманило страхом. Сэр Стилтон исчез для нее. В течение нескольких кошмарных мгновений Фанни видела перед собой старуху: по мере утрачивания тех, кто к ней равнодушен, старуха склоняется к перееданию, превращается в обжору, а несварение и тоску вымещает на прислуге.

– Именно в этот период, – прозвучало вдруг из темной тучи, в последние минуты прятанной сэра Стилтона (и прозвучало жутким ответом на мысли Фанни), – крайне важны мужья. Вот почему за них следует держаться, вот почему развод – большая ошибка. Любовники, как вы, вероятно, знаете, ведь, судя по всему, в свое время были недурны собой и, полагаю, имели любовников...

В свое время... Он сказал «в свое время». Фанни словно очнулась. В свое время. Господи! Что бы ни уготовило ей будущее, никто не станет отрицать, что и полугодом не прошло с того дня, когда Дуайт... «Да что же это я, – теперь Фанни перебивала ход собственных мыслей, – так цепляюсь за Дуайта, за этого мальчика, словно он – моя единственная надежда, бедный малыш...»

– Любовники, – гнул свое сэра Стилтон, твердо намеренный завершить фразу, – как вам, должно быть, еще помнится, неизменно оставляют сосущую боль под ложечкой.

Иллюзия рассеялась полностью, сэра Стилтон был реальнее некуда. Фанни сверлила его ледяным взглядом. Что за выражения! Что за манера говорить о заключительных стадиях ее романов – пусть печальных, но не лишенных специфического очарования и всегда облагороженных искренним сожалением! Как свежи все они в памяти Фанни! Бедняжка Адриан Стейси, предшественник Дуайта; с ним Фанни рассталась менее года назад и могла бы до словечка, до интонации воспроизвести их последний разговор, и уж будьте уверены – и слова, и тон явили благородство их обоих. Правда, расставание с предшественником Адриана Стейси, с Перри Лэнксом, который сделал потом блестящую карьеру (или между Перри и Адрианом затесался кто-то еще?), было не таким томно-сладостным, потому что Перри, как адвокат, требовал конкретики.

– Ах, Перри, какая же конкретика в любви? – увещевала Фанни – противница клятв и даже обещаний.

Тогда Перри Лэнкс предположил (как на перекрестном допросе, честное слово!), что Фанни просто дурочка.

– Дорогая моя, без конкретики нынче никуда, – сказал он устало и терпеливо, будто объясняясь с ребенком.

И все-таки даже в этом расставании не было ничего похожего на боль под ложечкой: разве только Фанни пришла к убеждению насчет признаков усталости и терпеливости. Едва таковые появляются, с возлюбленным пора закругляться, решила она тогда, надеясь, что Перри ее настроя не заметил. Ну а что до прочих любовников, о каждом из них Фанни вспоминала исключительно с восторгом и нежностью.

Но вот он, этот беспардонный Байлз, хлещет ее словами – будто пощечины отвешивает: связывает милых, преданных бывших возлюбленных с сосущей болью под ложечкой.

– Даже представить не могу... – начала было Фанни.

– ...почему ваши подруги ходят ко мне, – незамедлительно закончил за нее Байлз.

– Вот именно. Сколько я вам должна? – добавила Фанни и протянула руку к перчаткам и сумочке.

– Я еще не отработал свой гонорар, – сказал Байлз и резко бросил: – Сядьте! – потому что Фанни поднялась и нависла над ним.

– С меня довольно! – сказала она в ответ, открывая сумочку. – Так сколько?..

– Ладно, не хотите садиться – слушайте стоя.

– Не желаю я больше слушать! Сколько...

– Раньше выслушаете – раньше уйдете, – оборвал ее Байлз. – Так вот: в долгосрочной перспективе единственный, кто нужен женщине, шансы которой неутешительны...

– Этого достаточно? – оборвала его Фанни, шлепнув на стол несколько банкнот.

Слушать дальше она не собиралась.

– Во всем мире, – не смутился сэра Стилтон, – как я пытаюсь вам сказать, дело до подобной женщины может быть только одному человеку. – Сэра Стилтон отодвинул банкноты. – И этот человек – ее супруг. Как правило, ему, бедолаге, просто ничего другого не остается. Вы поступите очень благоразумно, если без промедления вновь сойдетесь с вашим Скеффингтоном. Поверьте, это ценнейший совет. – Сэра Стилтон принялся постукивать по столешнице ножом для бумаги. – По гроб жизни будете меня благодарить.

Внезапно он отложил нож и встал из-за стола. Это не помогло – высокая Фанни все-таки доминировала над ним, крепко сбитым, коротконогим, почти квадратным. «С вашим Скеффингтоном», – мысленно повторяла она, сверху вниз глядя на сэра Стилтона, исподтишка косясь на собственную деликатную переносицу и отмечая, что носик ее по-прежнему прелестен. Этот Байлз не предварил «Скеффингтона» «мистером» – словно они с ним приятели.

– Тогда уж говорите просто «Джоб», – процедила Фанни, очень надеясь, что тон у нее ледяной.

Но сэру Стилтону холод был нипочем.

– С моим удовольствием, – сказал он. – Всегда симпатизировал евреям. В общем, сойди-тесь с Джобом. Я имею в виду физический контакт; Джоб воображаемый тут не годится. Если уж совсем напрямик – затащите Джоба в постель. Вас преследует его призрак – стало быть, надо переспать с оригиналом. Единственный способ... Слушайте, я же для вашей пользы это говорю! – сам себя перебил сэр Стилтон, поскольку Фанни направилась к двери. – Единственный способ избавить разум от фантазий с иллюзиями – это облечь их плотью, пойти на физический контакт! Из-за чего, по-вашему, заканчиваются романы? Всякий роман тянулся бы и тянулся, если б стороны не вступали в половую связь. Помириться с Джобом. Встречайтесь с ним почаще. Пригласите его на ужин. Переспите с ним.

Фанни обернулась – ладонь на дверной ручке, взгляд пронизывающий.

– Я пришла к вам за помощью, а не получила ничего, кроме...

– Оскорблений – вы же это хотели сказать? Пожалуй, со своей точки зрения вы и правы. Вы не привыкли – вы просто не способны – выслушивать голую правду; это общее свойство всех женщин. Но пользу из своего визита вы все-таки извлечете, если только сумеете с этой правдой смириться. Я дал вам лучший совет из возможных. Последуйте ему – и ваша проблема отступит. Еще минуту внимания! – Сэр Стилтон жестом остановил Фанни. – Пригласите своего незадачливого муженька на ужин – и сами убедитесь: как только он окажется с вами во плоти, он перестанет вас преследовать в виде призрака. И кстати, – торопливо добавил сэр Стилтон, поскольку Фанни успела открыть дверь, – если к вам повадятся призраки других мужчин – тех, с которыми вы не состояли в браке, – если начнут мерещиться во всяких неподходящих местах – действуйте аналогично. Пригласите их отужинать. Хоть всех скопом, если понадобится, – закончил он с легкой усмешкой. – Сзовите всю компанию, оцените каждого. Они, разумеется, тоже вас оценят, и тогда и вам, и им многое станет ясно...

Но Фанни уже исчезла. Толкнув дверь кабинета с такой неожиданно яростной силой, что мнимая медсестра метнулась в холл, Фанни потребовала вызвать ее автомобиль; щеки ее пылали, глаза сверкали.

– Он просто кудесник, не так ли? – с гордостью сказала мнимая медсестра.

– Чудо Господне! – выдала Фанни и столь скорым, столь энергичным шагом пошла к дверям, что мнимой медсестре изрядных усилий стоило семенить с ней вровень.

В ожидании следующей пациентки сэра Стилтона распахнул окно.

Глава 2

За пределами Лондона – во всяком случае, за пределами его районов, удушаемых черным туманом, – а именно Харли-стрит, покинуть которую спешила Фанни, Чарлз-стрит, откуда она выехала утром, и вокзала Паддингтон, куда она сейчас направлялась, – наверное, разгулялся дивный денек: морозец, и солнышко, и тончайшее кружево обнаженных ветвей и веточек на небесном шелке деликатнейшего из оттенков синего. Жаворонки уже начали распевку. В переулках, как бы отороченных травкой, которую припушил иней, весело пересвистывались возчики, нагружая свои подводки всякой всячиной. Каждая хозяйка, хлопая половичком по дверному косяку, мурлыкала какой-нибудь мотивчик. Словом, мир ликовал, мир походил на сказочное королевство, где нет места утренней сумрачности.

И Фанни, которая в Лондоне буквально задыхалась, за несколько миль учуяла эту атмосферу и решила так: она непременно успокоится, надо только оказаться на солнце. Она велела шоферу свернуть влево и ехать на вокзал Паддингтон; там она сядет в первый же поезд и умчится куда-нибудь, где есть кислород. Она будет дышать – и размышлять. Нет: дышать и ни о чем не думать. Короче, в любом случае она подышит.

Домой ей сейчас нельзя: сначала надо прийти в себя. Фанни слишком взвинчена и не в состоянии вынести ни делано невозмутимого лица мисс Картрайт, ни беспокойства хлопотливой Мэнби. Мисс Картрайт она позвонит, велит отменить все запланированные на сегодня встречи, после чего погрузится в блаженное уединение, в каковом пригладит растрепанные чувства, ибо чувства растрепаны, как никогда.

Впервые Фанни пришлось оказаться наедине с человеком не своего круга, и человек этот говорил ей в лицо такие вещи, такие... раньше ей даже не снилось, что подобное про нее хотя бы подумают. В общем, Фанни должна чуточку расслабиться – она это заслужила. Расслабиться. Как ни была она сердита, слово это вызвало улыбку, потому что даже в моменты недовольства и печали Фанни умела посмеяться над собой. Покоряющая способность, говорили ее друзья мужчины, а подруги, признавая способность покоряющей, а саму Фанни – милейшей женщиной, думали другое: может быть, Фанни и посмеется, обнаружив, что один розовый лепесток из тех, что во множестве выстилают ее постель, чуточку помялся, но едва ли продолжит смеяться, если помнутся все или почти все лепестки. В последнее время Фанни замечала за собой, что больше не может, как бывало, взглянуть на себя со стороны и отыскать смешное в своем поведении либо мыслях. Вот и сейчас: разве она не усложняет? Да ведь она просто раскисла – а это разве не показатель порчи характера? И потом, кто с утра накричал на горничную? Кто накануне вечером припечатал ядовитым эпитетом малознакомую девушку и в ее лице – всех юных девиц?

Виноват, конечно, Джоб, только он один. Ничего: он останется в Лондоне, а Фанни уедет. Сегодняшний день она проведет без Джоба – она непоколебима в этом решении. Ее ждут лужайки и речки, она ни с кем не заговорит и к ней никто не привяжется – иными словами, Фанни будет свободна ото всех и вся. В душе ее родилась неясная тяга к объектам нерукотворным и бесстрастным: примулам, мхам и голым рошицам – этим атрибутам и спутникам уединения. Жаль, что сегодня еще только 7 февраля, а то как славно было бы расслабиться среди деревьев, вдохнуть аромат сырой коры и листвы. Фанни сидела бы на земле и сортировала примулы по букетикам – безмятежная, умиротворенная.

По причине тумана поезда ходили с опозданием; первый из них, до Оксфорда, подали на посадку сорока минутами позже, чем было указано в расписании. Оксфорд подойдет идеально, подумала Фанни, и купила билет. Правда, уединенных рошиц в Оксфорде нет, зато есть старинные парки, наполненные тишиной. Вдобавок с Оксфордом у Фанни связано все самое лучшее, но особенно важно, что Оксфорд свободен от Джоба. Там Джоб не появится, ибо он

никогда не посещал университетов. Джоб, как выяснила Фанни из справочника «Кто есть кто», получил домашнее образование. В Оксфорде можно не опасаться и этого мужлана Байлза – последние воспоминания о нем исчезнут заодно с приметами цивилизации. Дуайт... да, он там будет, но ведь Дуайт пока вызывает у Фанни только приятные ассоциации. Возможно, целый день посвятив себе, в сумерках Фанни заглянет к Дуайту в комнату: пускай угостит ее кексами, – но это если ей полегчает. А вообще-то, пожалуй, не надо к нему ходить. Ведь выдохнул же Байлз: «Моя несчастная леди!» Нет, лучше пригласить Дуайта к себе или выждать, пока он сам захочет встречи с нею, и милостиво согласиться. У мальчика слишком романтизированное, слишком поэтическое представление о совершенствах Фанни; вдруг, увидев ее в столь неудачный день, он решит, что Фанни теперь всегда будет так выглядеть, и тогда...

Фанни передернула плечами, словно устыдившись, как будто ей небезразлично, что там подумает этот мальчик. Она к нему не пойдет. Пусть он сам мчится к ней на Чарлз-стрит. Но неужто она в самом деле теперь пожилая, если цепляется за студентика? Что дальше? Если не контролировать себя, Фанни, чего доброго, за новыми обожателями станет наведываться в Итон... «В болезни и в здравии...» – вдруг пришло ей на ум.

* * *

Какие хорошие, утешительные слова, какой от них веет надежностью, если рассудить.

Да, но ведь речь о муже. Предполагается, что не кто иной, как муж, будет любить жену в болезни не меньше, чем в здравии, и морщинистые ее щеки будут ему столь же милы, сколь и щеки тугие, налитые юностью. Любовники таких клятв не дают даже мысленно – особенно любовники молодые. Эти, увлекшись впервые, поднимают планку стандартов столь высоко, что предмет увлечения, силясь соответствовать, рискует вымотаться и приобрести именно такой вид, какого пылкий романтик как раз и страшился. Не то чтобы Фанни до сих пор слишком выматывалась, хотя бы и ради Дуайта... вот разве только в последний его визит, когда он посетил ее вскоре после болезни... Взгляд у него был ужасно скорбный, и Фанни решила, что это от сострадания к ней, любимой. Теперь она сомневалась. «Моя несчастная леди» – вот что, возможно, не сумела она тогда прочесть в Дуайтовых глазах.

* * *

Вокзал Паддингтон! Сколько с ним связано счастливых поездок, думала Фанни, шагая по перрону. Во дни романа с Кондерлеем (про себя Фанни называла тот период кондерлейской эрой, совсем как геологи говорят об эре мезозойской) она, бывало, садилась здесь на поезд до Виндзора (лорд Кондерлей ходил тогда в камергерах, и служба его протекла в Виндзоре). Фанни ездила к нему, проводила с ним вторую половину дня и возвращалась к ужину с охапкой цветов и вся осиянная (что ни говори, а по-настоящему осиять женщину способен только любовник). Шагая по тому самому перрону мрачным туманным утром, Фанни среди прочих пассажиров была как райская птица, что случайно угодила в воробьиную стайку, и сразу бросалась в глаза – да, сразу. Черный костюм (по словам Мэнби, скромнейший из всего гардероба Фанни) отнюдь не выглядел таковым на фоне тускло одетых бедняков. Это была вещь коллекционная; от нее коллекционностью так и веяло, равно как и от черной шляпки, что, затеняя один глаз, сидела под точно выверенным углом. Шляпка эта будоражила простолудинок не вычурностью фасона – секрет был в единственном алом перышке, именно перышко притягивало взоры таким веселеньким маячком. И сверкали (даром что от эмоций, веселости противоположных) глаза Фанни, и пылали негодованием щеки – Фанни все еще не успокоилась после разговора с сэром Стилтоном. Короче, она была весьма и весьма заметна, и несколько

затюканных женщин, сгрудившихся вокруг своих узлов и карапузов, наблюдали за ней со смесью зависти и осуждения.

– Не иначе содержанка, – заключила одна из них – похоже, самая затюканная.

Обращалась она к своей товарке, чьи губы были сжаты в нитку, всем своим видом давая понять: известно нам насчет этих самых содержанок, оченно даже известно.

– Молчали бы лучше, миссис Томс, – ответила товарка.

– Фанни, ты ли это?

Возглас раздался из-за спины, голос был мужской, очень приятный, а поезд как раз приближался к перрону.

– Куда это ты собралась и тумана не побоялась?

Удивленная и раздосадованная, Фанни повернула голову – ей совсем не хотелось нарваться на знакомых. А мужчина, окинув ее взглядом с ног до головы, продолжил:

– Прекрасно выглядишь; не иначе совсем оправилась? Тогда – с возвращением!

В единый миг Фанни ожила. Наконец-то, после многих недель тягостного сочувствия, она слышит знакомые нотки восхищения. Они согревают, как вино; бодрят, как тоник; куда до них лекарствам и докторам! Ни один доктор не поможет лучше, чем вот эта искренняя убежденность (она чувствуется в голосе мужчины и светится в глазах), что Фанни – обворожительна. Плевать на юбилей и на Байлза, да и на Джоба заодно, думала Фанни, улыбаясь человеку, который рассматривал ее не исподтишка, а в открытую, не упуская ни единой детали, и льстил ей этим взглядом.

– Я только что из салона красоты и от врача – еще бы мне не выглядеть прекрасно.

– Ты сказала – от врача? Бедная девочка! – воскликнул Понтифридд, беря Фанни под локоть и ведя ее к вагону первого класса, – Понтифридд, ее двоюродный брат и первая любовь (дело школьных дней). Всегда, всю жизнь они были лучшими друзьями. – Ради господ бога, не делай привычки из посещения докторов, – говорил между тем Понтифридд. – Ты достаточно окрепла за эти месяцы в деревне, вдали от Лондона. Забудь о докторях, и точка. Радуйся жизни. Вот мою Ниггз (Ниггз, или, если полностью, Найджелла – жена Понтифридда) теперь с Харли-стрит не вытацишь. Связалась с этим эскулапом... как же его – Стайлз, кажется?

– Байлз, – поправила Фанни.

– Точно: Байлз. Боже, ну и фамилия. Так ты его знаешь?

– Да мне ль его не знать! – пропела Фанни, ибо вдруг и сам Байлз, и злые его слова потеряли для нее всякое значение. Она сейчас с человеком своего круга, своего воспитания, своей крови; и как же ей уютно, как спокойно с ним – в то время как от Байлза она вышла опустошенная. – Поэтому-то я и решила, – продолжила Фанни, счастливо смеясь, заглядываясь на Понтифридда, еще более внушительного, чем обычно, в подбитом мехом пальто, – отправиться за город, отряхнуться от всего, что Байлз мне наговорил.

– Душа моя, ты отлично придумала. Поехали со мной. Я сам тебя отряхну. Погоди, это ты еще Байлзовых счетов не получала. Вот пойдут косяком – и поймешь, что он хуже репейника. Сколько недугов он отыскал у малютки Ниггз – не представляю, как они умещаются в ее хрупком тельце. Послушай, Фанни: я сейчас еду в Виндзор. У меня дело в Управлении работ⁶ – касается Виндзорского дворца. А потом мы пообедаем, и ты мне все-все расскажешь. Если тебе снова – после всего перенесенного – понадобился врач, значит, что-то тревожит твою милую головку. Решено: ты обедаешь со мной, – заключил Понтифридд и добавил прежде, чем Фанни успела открыть рот: – Тем более что мы сто лет не были вместе.

Он помог Фанни подняться в купе.

⁶ Управление работ было создано при английском королевском дворе в 1378 г. для надзора за строительством и обслуживанием королевских замков и резиденций. В 1851 г. преобразовано в правительственный департамент.

– Вон они, полюбуйтесь, – проворчала миссис Томс, пихнув локтем в бок свою товарку. – Первым классом поедут. Мы-то с вами будем в третьем давиться, как селедки в бочке, а все потому, что мы честные женщины.

– Уймись, миссис Томс, – буркнула товарка.

Миссис Томс, однако, униматься не собиралась, напротив: весьма громко стала комментировать действия неизвестного джентльмена: ишь, укутывает колени этой самой, которая из содержанок, да еще как заботливо.

– Гляньте, что за накидка! – снова подступила она к своей товарке, уже и так сильно сконфуженной. – Натуральнейший мех! Вот у вас меха есть? То-то! И у меня нету. Все потому, что мы с вами честные женщины. Говорю вам, миссис У.: женская честь с деньгами по разным дорожкам ходят.

– Да тише вы! Замолчите! – шикнула миссис У. теперь уже серьезно перепуганная.

– Еще чего! На всю жизнь намолчалась – хватит с меня. Которые молчат – тем счастья не видать, как и тем, которые честь блюдут. Вы прикиньте-ка лучше, миссис У., чего там у этих двоих в утробах-то? Об заклад бьюсь, что с утра они вдоволь жареного бекона наелись. А вот вы нынче ели бекон, миссис У.? То-то. И я не ела. А желаете знать почему?

– Не желаю, – огрызнулась миссис У. и стала оттеснять миссис Томс от вагона.

– Ну и не желайте – я все одно скажу, – гнула свое миссис Томс. – Это потому, что мы с вами честные женщины. Честь на сковородке не поджаришь, и мне она уже в печенках сидит. Завтрева ж крест на ней поставлю и пойду с тем джентльменом, а то с кем другим, кто первый поκληчет, только б он для рывка хорошим завтраком меня накормил.

– Вы дурная женщина; я буду о вас молиться, – отреагировала до крайности смущенная миссис У. и предприняла новую попытку отвести подальше миссис Томс.

– Джордж, милый, – начала Фанни. В окно она старалась не смотреть, о чем говорят две простолоудинки, ей было не слышно, но она не могла отделаться от ощущения, что обсуждают их с кузенком: надумали, должно быть, бог знает что. – Как по-твоему, вон та бедная женщина... она... она ведь нас не...

– Надеюсь, что так, – ответил Понтифридд; человек с зорким глазом и чутким ухом, он не упустил ни словечка. – Черт подери. Конечно, простительно в этакое промозглое утро хлебнуть горячительного. С другой стороны – не рановато ли для крепких напитков?

Повинуясь импульсу – вся семья знала, сколь импульсивен Джордж, – он распахнул дверь, выскочил на перрон, направился напрямиком к миссис Томс и миссис У. (ни на той ни на другой лица не было) и потрепал миссис Томс по плечу.

– Будете судачить, – участливо заговорил Понтифридд, – поезд вам хвост покажет. Идите лучше в вагон-ресторан и позавтракайте как следует. За мой счет. Проводника я предупрежу. Закажите бекон, курятину – что душе угодно. – Понтифридд подмигнул миссис У. (позднее она признавалась, что чуть было в обморок не хлопнулась) и несильно подтолкнул к вагону миссис Томс. Миссис У. поспешила за ними.

– Занимайте места согласно купленным билетам, – напрягся наблюдатель, спеша к странной группе со своим зеленым флажком.

– Погодите минуту, – остановил его взмахом трости Понтифридд. – Не отправляйтесь, пока эти леди не войдут в вагон-ресторан...

Он живо запрыгнул в свое купе, закрыл дверь и поправил меховую накидку на коленях Фанни, после чего спросил, слышала ли она разговор.

– Нет, – ответила та. – Только у меня ощущение, что прозвучало немало грубостей. Я права?

– За обедом я тебе все перескажу, – рассмеялся Понтифридд, усаживаясь на свое место. Поезд тронулся. Больше Понтифридду смешно не было.

– Ты когда-нибудь испытываешь ненависть к самой себе? – спросил он, весь подавшись к Фанни.

И когда Фанни, улыбнувшись странному этому вопросу, все еще чувствуя себя восхитительной и желанной, ответила: «Нет. А разве должна?» – Понтифридд на мгновение задумался, а затем, протянув ей портсигар, выдал:

– Удивительно, сколько времени человеку надо, чтобы повзреть.

* * *

Что он имел в виду, Фанни не поняла, но сочла за лучшее не уточнять, ибо фразочка на прелюдию к комплименту не тянула. Вдобавок ей показалось, что Понтифридда так и подмышляет заговорить о ситуации в Европе. Лицо его стало серьезным и несколько отрешенным – характерное выражение, знакомое.

Фанни была очень чуткой – чуткость в себе она открыла давно и гордилась этим качеством. Фанни знала, что серьезность мужчинам порой необходима, но пусть будут серьезными, сидя у себя в кабинетах и министерствах, проповедуя с кафедр, делая доклад в палате лордов. К чему терять бесценные секунды, которые джентльмену дано провести наедине с хорошенькой женщиной? Всему свое время – так и в Библии сказано: есть, мол, время на то, а есть на это. Правда, насчет хорошеньких женщин там ни слова – но ведь они подразумеваются, разве нет? Что до Фанни – она не просто хорошенькая, она изумительная. Всегда, сколько она себя помнила, стоило ей войти в комнату – воцарялась тишина, у всех присутствующих дух захватывало.

Таким образом, уверенность в собственных чарах до недавнего времени не покидала Фанни, а сегодня, на перроне, когда Понтифридд окинул ее оценивающим взглядом и явно остался доволен, она вновь обрела это дивное ощущение. Мигом улетучились все тревоги и сомнения последних недель, а что до сэра Стилтона с этим его нелепым возгласом: «Моя несчастная леди!» – он словно никогда и не существовал на свете. Тем более жаль, что Джордж, обыкновенно веселый и уж точно не из тех, кто упускает преимущества отдельного купе, сидит со столь мрачным видом. Это все из-за двух пьянчужек. Это они расстроили Джорджа. Один поэт – его цитировал Фанни бедняга Джим Кондерлей – утверждал, что не позволит себе радоваться жизни, ибо помнит о смертном часе и о том, что женщин иногда постигают раковые опухоли. Фанни не могла припомнить строфу целиком, но взглядов таких не разделяла. Можно подумать, ситуация изменится, если некто станет отказывать себе в веселье! А Джордж как раз такой. Ему достаточно увидеть голодного или озябшего человека – и веселость с него как рукой снимает. Не будь на перроне ее, Фанни, Джордж, чего доброго, отдал бы этим простолюдинкам свое подбитое мехом пальто. Впрочем, он, кажется, накормил их досыта – Фанни узнала об этом, когда в купе заглянул проводник и осведомился, правильно ли понял: счет за съеденное будет оплачивать джентльмен?

– Джордж, ты добрый до невозможности, – сказала Фанни, когда за проводником закрылась дверь, и в приступе восторга на миг положила ладонь Джорджу на колено. – Как это я сама об этом не подумала? Всегда так со мной – слишком поздно спохватываюсь... в смысле, в подобных случаях.

– Ягненок мой, что за сенсацию ты бы произвела, если бы проявила участие к этим женщинам! Они умчались бы от тебя как зайцы. Ты не озябла? – вдруг добавил Джордж, пристальнее вглядываясь Фанни в лицо.

«Что он там видит – теперь?» – подумала та и по самые скулы ушла в меховой воротник.

* * *

К тому времени поезд успел вырваться из черного лондонского смога и ехал теперь в беловатой дымке. Понтифридд шарил по купе пристальнейшим, пытливейшим взглядом – кроме как в воротник, спрятаться от него было некуда. Вдобавок улетучилось негодование, вызванное в Фанни мерзким Байлзом; глаза ее утратили блеск. Наконец, в купе незримо присутствовали две простлюдинки – о них, а не о ней, думал Джордж. Его серьезность прогрессировала и, естественно, отражалась на Фанни. Какое-то время ей удавалось достаточно беззаботно улыбаться, но по мере того как прояснялась даль за окном (данное обстоятельство никак не влияло на Джорджа – он продолжал хмуриться), улыбка Фанни бледнела, а после станции Уэст-Драйтон вовсе растаяла. Именно тогда Джордж стал вглядываться ей в лицо, именно тогда, вконец смутив ее, вслух предположил, что Фанни озябла.

Значит, выражение у нее было напряженное. Напряженность никому не к лицу – она подразумевает отсутствие трепета ноздрей и все в таком роде.

– Ничуть. Ни капельки, – быстро ответила Фанни, еще глубже уходя в воротник.

– Смотри не простудись, – сказал Джордж, подался к Фанни и собственноручно уплотнил мех на ее горле.

Так вот в чем дело! Востроглазый ее кузен выхватил взглядом те самые зоны, которые, по словам Елены, требовали экстракурса процедур; едва догадавшись, Фанни решила ни при каком раскладе не обедать с Джорджем. Вот кошмар: сидеть напротив него (вполне возможно, лоя собственное искаженное отражение в чудовищно огромном оконном стекле), – и ведь придется снять пальто с меховым воротником!

А Джордж, воображая, что его стараниями Фанни тепло укутана, погладил мех с почти материнской нежностью и произнес:

– Напрасно ты вышла из дому. Сегодняшний промозглый туман опасен для такой хрупкой девочки, как моя кузиночка. Кстати, – добавил оживленно, – у меня с собой есть бренди. Давай-ка хлебни чуток. Сразу согреешься.

С этими словами Джордж вынул небольшую фляжку и миниатюрный стаканчик.

– Неужели я выгляжу настолько... жалко?

– Ничего подобного, душа моя, – ответил Джордж. – Кто-кто, а ты всегда будешь вызывать одно только восхищение. – (Вот-вот, давно бы так, подумала Фанни). – Просто вид у тебя несколько усталый, – добавил Джордж, со всеми предосторожностями наливая бренди в стаканчик.

Усталый вид. Усталость никому не к лицу. Тени под глазами и все в таком роде. И вообще Фанни надоело выслушивать замечания насчет своего усталого вида; мало того – она их страшилась, слишком хорошо зная, что подразумевается под участливым: «Фанни, дорогая, какой у тебя усталый вид! Напрасно ты поднялась с постели!»

– Но ведь на вокзале ты сказал мне, что я выгляжу... – Фанни осеклась.

– На вокзале ты так и выглядела, – не стал отпираться Понтифридд. – К тому же там было темно, как в угольной яме. А темнота, – Понтифридд улыбнулся, протягивая Фанни стаканчик бренди, – когда она достаточно густа, всякого преобразит.

Бренди пролилось. То ли поезд дернулся, то ли Фанни неловко взяла стаканчик: а может, эти два момента совпали, – так или иначе, стаканчик был пуст.

– Как это нелюбезно с твоей стороны, Джордж, – вздохнула Фанни, отодвигая стаканчик, забиваясь в уголок и собственными руками запахивая воротник максимально плотно. – Не надо, не наливай мне новую порцию. Тем более что скоро твоя станция. Знаешь, Джордж, ты впервые в жизни сказал мне столь неприятную вещь.

– Душа моя, да я скорее умру, чем потревожу хоть один из твоих бесценных волосков... – (Так он и это заметил? Он видит, что волоски на голове Фанни теперь наперечет?) – Просто мы знаем, какую опасную болезнь ты перенесла. Сил у тебя сейчас вполовину меньше, чем было раньше и чем скоро будет вновь... Господи, да ведь это уже Слау! Пойдем скорее, у нас тут пересадка.

Нет, Фанни не пойдет. Ей нужно в Оксфорд. И обедать с Джорджем она согласия не давала. Она решила, что проведет день в Оксфорде, – и она непоколебима.

– Иди, а то на поезд опоздаешь, – сказала Фанни, поскольку Джордж все медлил в дверях, все уговаривал ее.

– Милая моя Фанни, пожалуйста, не упрямясь. Взгляни, как светит солнце. На что тебе случился этот Оксфорд? Подумай, стоит ли тратить время на студентов...

Тратить время? Джордж намекает, что теперь на нее не клюнет даже студент?

Фанни передернуло. Нет, после такого предположения она будет непреклонна. В итоге Джордж ушел, поезд его тронулся, чтобы проделать короткий путь до конечной станции – Виндзор-энд-Итон-Сентрал, а оксфордский поезд повез удрученную, напряженную Фанни совсем в другом направлении.

Впрочем, довольно скоро она взяла себя в руки.

– Что-то ты становишься не в меру подозрительной и обидчивой, – произнесла она вслух, а затем подумала, что ей не повредил бы сытный завтрак. Да, первым делом по прибытии Фанни как следует поест.

* * *

Сторонясь больших отелей, она выбрала отельчик крохотный, приютившийся на боковой улочке, где и позавтракала. Зал ресторана был пуст, лишь в сумрачном уголке сидела престарелая дама. Прислуживал Фанни пожилой официант. Яркое горело пламя в камине; в буфете сияли супницы со спиртовками, красовались огромные металлические колпаки, которым нечего было беречь от остывания. Еда казалась Фанни много вкуснее той, что подавали ей дома.

«Почему это миссис Дентон такого не готовит?» – недоумевала Фанни, поглощая неизвестное кушанье и находя его восхитительным.

На ее вопрос, что это такое, официант несколько удивился и сообщил, что миледи было угодно заказать говяжий пудинг с почками; когда Фанни похвалила и гарнир, официант удивился еще больше:

– Это савойская капуста.

– Савойская капуста, – повторила Фанни.

Она это запомнит и дома спросит у миссис Дентон, слышала ли она о таком овоще.

Десерт – яблочный пирог с заварным кремом – оказался так себе; нужно здорово проголодаться, подумала Фанни, чтобы получить удовольствие от этих затвердевших корок. Зато кофе подали горячий и очень недурной; Фанни выпила его, подвинувшись к камину, и закурила. С благодарностью она грела колени и думала: не странно ли, что, измученная за ночь, вымотанная утренними эмоциями, она теперь впитывает тепло чужого огня и даже готова улыбнуться самой себе, а ее состояние вполне можно назвать безмятежностью? Вот что значит сытная еда.

«Определенно все дело в пудинге», – наконец решила Фанни. Просто она сейчас вроде загнанной клячи, как сказал бы Эдвард или выбрал бы из своего лексикона словечко похуже. (Эдвард сменил лорда Кондерлея; эти двое контрастировали между собой, как кайнозойская эра контрастирует со своей предшественницей – эрой мезозойской.) Эмоции Фанни теперь вмурованы в пудинг: им не разыграться, – отсюда и спокойствие. Как оно кстати. Фанни обя-

зательно спросит у миссис Дентон насчет пудинга. Только бы миссис Дентон знала, как его готовят; он бы, пожалуй, сгодился, чтобы отвадить мистера Скеффингтона. Во всяком случае, попытка не пытка. Глядя на огонь, Фанни дала волю мыслям, и мысли устремились к Эдварду в расцвете лет.

Душка Эдвард. Как с ним было славно. Как он высмеивал все, перед чем благоговел Кондерлей, перед чем выучилась благоговеть Фанни. Эдвард в жизни ни единой книги не раскрыл: утверждал, что от поэзии у него несварение желудка. Однажды – на заре отношений, когда влияние Кондерлея еще не рассеялось подобно туману, – Фанни помянула поэта Вордсворта, так Эдвард обозвал его Рыбьей Рожей. Фанни словно свежим ветерком овеяло, хотя, разумеется, чувство было достойно порицания. Удивительно, как благотворно действует на женщину простая смена любовника. Милый, милый Эдвард. Как он был хорош в Аскоте, на скачках; как был ему к лицу серый цилиндр. Правда, и с ним все кончилось плачевно – не с серым цилиндром, разумеется (хотя Фанни успела мимоходом спросить себя, где находят последний приют серые цилиндры), а с Эдвардом. Причем плакала не только Фанни – плакал и Эдвард тоже; да, вот именно – он, беззаботный шалопай, против ожиданий пролил не одну слезу. К тому времени Фанни увлеклась Перри – тем самым, чьи чувства выродились в терпеливый тон, – с ее стороны непорядочно было бы продолжать отношения с Эдвардом, вот она с ним и распрощалась. Она надеялась, что Эдвард не пошел вразнос: не только в моральном смысле, но и в смысле физическом, – то есть что Эдварда не разнесло. Это было бы очень, очень жаль. У Фанни сразу портилось настроение, стоило ей подумать, что Эдвард (ныне, кажется, генерал-губернатор одной из колоний) на этих своих знойных островах ест без удержу или злоупотребляет виски.

* * *

Погруженная в себя, Фанни мирно курила, а между тем за нею весьма недружелюбно наблюдала из темного своего угла давешняя престарелая леди. Вообще престарелые леди той категории, на коих, по общепринятому мнению, Англия только и держится, да еще все без исключения священнослужители, смотрели на Фанни с подозрением. От ее красоты, пусть лежащей в руинах, по-прежнему захватывало дух. Добродетельные женщины не бывают ни настолько красивы, ни до такой степени опустошены жизнью – вот на чем сходились престарелые леди и священнослужители, особенно подчеркивая второе обстоятельство. Женщина, если она поистине добродетельна, меркнет постепенно, пока не станет похожей на вашу матушку, мир праху ее.

А вот Фанни в свои пятьдесят ни на чью матушку не походила ни капли, а она выглядела в точности как особа определенного сорта. При виде таких особ священники инстинктивно съезживаются: если столкновение происходит в поезде – пересаживаются в другой вагон; если на улице – занимают, и весьма усердно, свой взор другим объектом (годится абсолютно любой). Если же подобная особа вдруг оказывается среди архиепископов на некоем собрании, если ее имя значится в списке попечителей, его можно прочесть и узнать, кто же она такая, о, тогда упования на нее, восхищение ею сметают границы разумного.

– Нынче на собрании присутствовала прекрасная леди Франсес Скеффингтон собственной персоной. Она дочь герцога Сент-Биллада; да-да, милочка, речь о том неудачливом герцоге, который за пять лет трижды платил налог на наследство и растерял все свое имение, – уже после слышали от этих священников их супруги. – Леди Франсес сидела рядом с самим архиепископом, к явному удовольствию его высокопреосвященства.

– Говорят, она то ли развелась, то ли... – уточняла супруга.

– Дорогая, не наше дело судить, – резонно замечал супруг.

Однако здесь был гостиничный ресторан, а не благотворительное собрание. За неимением списка старой леди оставалось судить по внешним признакам, они же играли сейчас против Фанни – вот почему через некоторое время из темного угла раздалось, и весьма отчетливо:

– Не терплю табачного дыма.

Фанни вздрогнула и резко обернулась. Она совсем забыла про старую леди.

– Простите, пожалуйста, – сказала она и бросила сигарету в камин.

– Если бы вы потрудились поинтересоваться у меня, как я отношусь к табачному дыму, – завела старая леди, складывая тканую салфетку по сгибам и отправляя ее обратно в костяное кольцо, – я бы сказала вам, что я его не терплю. Но, поскольку вы поинтересоваться не потрудились, я вынуждена сообщить, не дожидаясь от вас такой любезности, что являюсь противницей курения, притом противницей ярой.

– Простите, пожалуйста, – повторила Фанни.

Повисла пауза. Темный угол давал старой леди позиционные преимущества, и вдобавок сама Фанни, сочтя, что сидеть к человеку спиной невежливо, чуть развернула кресло – словом, старая леди могла теперь без помех и без ведома Фанни рассматривать и черную шляпку, и алое перышко, и кончик прелестного носика (он один не подвел Фанни, остался прежним), и сережку с подвеской – довольно крупным драгоценным камнем (стекляшка, подумала о нем старая леди).

«Юной девушке красота простительна: в конце концов, девушка не виновата, что такой родилась, – рассуждала старая леди. – Но женщина зрелая лишь срамит себя, посредством побрякушек тщась казаться более-менее привлекательной. Особенно если учесть, каким способом эти побрякушки получены. Другая бы в таком виде из дому не вышла! А эта – бесстыжая, размалеванная, расфуфыренная кукла – явно охотится здесь на непорочных юношей».

И старая леди возблагодарила Небеса за то, что в ее судьбе не случилось ни непорочного юноши, за совращение которого ей теперь пришлось бы каяться, ни субъекта, который непорочным юношам обыкновенно предшествует, то бишь мужа, ибо мужьям тоже свойственно попадаться в сети таких вот хищниц.

«Может, она сейчас уйдет», – подумала Фанни (заметив, как старая леди продела салфетку в кольцо, она решила, что та живет в этом отельчике и день за днем пользуется одной и той же салфеткой).

Фанни ужасно хотелось покурить, а потом, когда это желание будет утолено, – выйти под солнце, пока не погас чудный, но недолгий зимний день, но старая леди не двигалась с места. Тогда встала Фанни, чуть повернула голову к темному углу и вяло улыбнулась. В лице старой леди не дрогнул ни один мускул, и Фанни покинула обеденный зал.

Она оказалась в коридорчике, прямо перед дверью с надписью «Курительная комната». Открыв эту дверь, Фанни попала в небольшую гостиную, где тоже пылал камин, заняла удобное кресло у огня и снова зажгла сигарету, но буквально через пять минут порог переступила старая леди, сделала несколько шагов и застыла в немом укоре.

– Я загораживаю вам огонь? – спросила Фанни через минуту, в течение которой не было сказано ни слова, и, отодвинув кресло, добавила, поднимая руку с сигаретой: – А может быть, вам не нравится, что я здесь курю?

– Вот именно, – отчеканила старая леди.

– Но ведь на двери написано «Курительная комната», – в свое оправдание заметила Фанни.

– Вы спросили – я ответила.

– Ах, если так, то разумеется...

В камин полетела вторая сигарета.

Старая леди продолжала стоять, опираясь на трость.

– Сто раз говорила управляющему, чтобы снял табличку «Курительная комната», а на ее место повесил другую: «Посторонним вход воспрещен», – с раздражением бросила старая леди. – Вы вторглись в мою личную гостиную.

– Простите. – Фанни поспешно поднялась. – Но ведь вы сами понимаете, что я не могла знать об этом?

– Видимо, без объяснений не обойтись. Так вот: эта комната находится в полном моем распоряжении, поскольку других постояльцев в отеле нет. Персоны, которые просто зашли поесть, сюда не допускаются. Вы ведь просто зашли поесть, не так ли?

– Да, но я могла бы оплатить сутки, не оставаясь тут на ночь. В таком случае я получила бы право отдыхать в этой комнате, не так ли? – уточнила Фанни.

– Разумеется, если любите швыряться деньгами, – ответила старая леди, оглядывая Фанни с ног до головы и как бы говоря: «Хотела бы я знать, чьими конкретно деньгами». – Немалая сумма за сомнительное удовольствие выкурить одну сигарету, – подытожила она.

– Я бы снивелировала затраты, выкурив несколько сигарет, – улыбнулась Фанни.

– Иными словами, выкурили бы меня обратно в гостиничный номер. Что ж, мне не привыкать. Во время сессии в Оксфорд так и валят разные подозрительные субъекты – и всем им непременно надо дымить именно в моей гостиной. Здешний персонал прискорбно непочтителен и не препятствует этому. Порой непочтительность переходит все границы – мне даже начинает казаться, что от меня хотят избавиться. А ведь я провожу в этом отеле большую часть года – следовательно, мной как гостьей следовало бы дорожить. Мало того: в Оксфорде обособился репертуарный театр; актеры, актрисы и их поклонники представляют собой весьма неприятную компанию. Они тоже сюда являются, шумят – а персоналу и горя мало. И знаете что? Хотя я и терпеть не могу кинематограф, а все же для университетских городков он – меньшее зло, нежели театр. По крайней мере, эти воплощения абсурда – я говорю о так называемых «звездах» – остаются на экране после того, как закончился фильм, и не могут устроить дебош либо иное непотребство.

Еще когда старая леди только начала свою тираду, Фанни стала бочком продвигаться к двери. Чего доброго, она здесь застрянет – бедная старушка определенно давным-давно никому не изливалась, соображений у нее накоплено не на один час. Будь Фанни действительно доброй и отзывчивой, сидела бы и слушала, но Фанни, судя по всему, таковой не была: в ней крепло стремление убраться, и поскорее. Излияния всегда страшили Фанни. Помнится, Джим читал ей вслух одну поэму (впечатления остались как от ночного кошмара); так вот там старик тоже вцепился в свою жертву – несчастного молодого человека, и удерживал его, пока тот не выслушал все до конца (а между прочим, молодой человек спешил куда-то по важному делу). Теперь старая леди казалась близкой родственницей героя этой поэмы. Ничего общего с лапландской ночью в ней не было – ни намек на свежесть и тем более на господство над годами. Вообще глупая характеристика старости, да и поэт наверняка сам был очень молод и вряд ли перевидал достаточно старых леди. Вот эта конкретная, что распинается сейчас перед Фанни, собою старость и олицетворяет. Неужели когда-нибудь Фанни ей уподобится? Неужели переживет всех любивших ее и станет болтаться по отелям, потому что заодно с поклонниками умрут и старые слуги, а мысль о найме новых будет Фанни отвратительна? Или, хуже того, Фанни угодит в клещи компаньонки, которая станет вымещать на ней свою усталость и раздражение? Это она-то – «очей отрада, крошка Фанни», та, чье чело жизнь увенчивала венками из роз, а торс, подобный амфоре, благоговеино облекала в атлас и шелка (поразительно, сколь свежи в памяти цитаты лорда Кондерлея)?⁷ Неужели так и будет – Фанни «ужметса до данного формата» (снова одна из Кондерлеевых любимых цитат)?⁸

⁷ Фанни неточно вспомнила цитату; от нее вдобавок ускользнуло, что речь в этой строфе из поэмы Дж. Китса «Ода греческой вазе» идет о жертвоприношении. Отрывок, который Фанни переврала, звучит следующим образом: Кому на жертву

Старая леди, явив Фанни будущее, успела обмякнуть в кресле – несомненно, давно ею облюбованном и том самом, в которое чуть раньше села Фанни (вот что значит день с самого утра не задался); теперь она, едва удерживая голову, досадливо думала: «Почему эта женщина не уходит? Мне вздремнуть охота».

Фанни действительно медлила, не подгоняемая даже опасностью выслушивать излияния. Она легко вообразила, что именно оставит здесь, закрыв за собой дверь: безмолвие полутемной комнаты, пустой, если не считать одинокой согбенной фигуры у камина, – и так целые недели, месяцы, а возможно, даже годы. Старой леди уготована все та же тишина, лишь изредка нарушаемая кратковременным вторжением актерской труппы или, под особенно скверное настроение, сварливой жалобой управляющему. «А ведь, наверно, и я, – подумалось Фанни, – буду вот так же кукситься, повздорив с компаньонкой». Тут лучшее в ее характере вышло на первый план, и Фанни решила: «Нет, я дам бедняжке выговориться. Джордж именно так и поступил бы. Взять давешних женщин на вокзале – как он был с ними добр. Даже по руке одну из них погладил».

Впрочем, надолго намерений Фанни не хватило, ибо лучшая часть ее натуры была еще недоразвита. «Удивительно, сколько времени человеку надо, чтобы повзреть», – обронил сегодня Джордж, не обнаружив в Фанни чего-то им ожидаемого. Короче, лучшая часть быстренько ретировалась. На улице солнце светило так ярко, гостиная же выходила окнами на север, и, мрачная, сырая, слишком напоминала склеп. Конечно, когда-нибудь Фанни засядет одна-одинешенька вот в таком же гостиничном склепе – но пока... пока...

Словом, Фанни ушла. «Незачем забегать вперед – хватит на мой век и скуки, и склепов», – рассудила она, толкнула дверь и, бросив: «Всего вам наилучшего», – выскользнула в коридор.

Старая леди отреагировала выдохом «хвала небесам», уселась поудобнее и тотчас заснула.

* * *

Как чудесно было на воздухе, что за дивный, морозный, безветренный стоял денек!

Фанни чуть помедлила на мостовой, вдыхая большими порциями зимнюю чистоту и прохладу. Запах неминуемой смерти, казалось ей, впитался в костюм и пальто – так пусть вещи тоже «подышат», освежатся, ибо на оксфордских улицах место есть только юности – неугомонной, трепетной, энергичной, бесшабашной, восхитительной юности со всеми ее крайностями, со всеми метаниями – от восторгов к разочарованиям и обратно. В комнате, которую только что покинула Фанни, смердела смерть – здесь словно пахло парным молоком. А ведь скажи Фанни о молоке какому-нибудь юноше, то-то бы он вознегодовал! Ей стало смешно. Что ж делать, если такие у нее ассоциации? Целые бидоны, полные пенящегося, сладкого парного молока так и мерещатся Фанни повсюду, где только появляется группка густоволосых (она особенно отмечает именно это качество – густоту волос), румяных от морозца, жизнерадостных, сияющих юношей. «Здесь чудесно, – сказала себе Фанни, и Байлз, Джордж и Джоб – все тотчас позабылись. Фанни подняла лицо к солнцу. – Как хорошо, что я сюда приехала».

Несколько бидонов парного молока... ах, простите, несколько юношей появились на тротуаре, смущенно взглянули на нее. Слишком хорошо воспитанные, они, конечно, не могли в полной мере показать своего интереса и восхищения. Насчет первого Фанни не сомневалась,

уготовил жрецТелицу, что, как амфора, гладка,Чьи разубрал атласные бокаКолосьями благоговейный жнец?

⁸ Фраза из надписи на могиле британского актера Джеймса Куина (1693–1766), который отличался дородностью. Автор эпитафии – Дэвид Гаррик (1717–1779), актер, поэт, драматург, директор театра «Друри-Лейн», где играл Дж. Куин. Полностью эпитафия звучит так: Великий Джеймс Куин лежит под сей плитой. Прохожий! Задержись, усвой урок простой: Сколь ни была к тебе Натура торовата, Ужмешься все равно до данного формата.

на второе надеялась, но наверняка сказать, восхитились ею молодые люди или нет, не могла – она ведь смотрела в ослепительное небо. В любом случае приятно, когда тобой восхищаются такие славные юноши, – настолько приятно, что Фанни, дабы усилить ощущения, решила: будет считать, что юноши ею восхитились, даже если это и не так.

Фанни хотела прогуляться до колледжа Святого Иоанна, однако это было далековато, тем более что слишком она замешкалась – с пудингом и со старой леди. Примерно через час солнце начнет клониться к западу, и ворота колледжского парка закроются, поэтому Фанни направилась к парку Нового колледжа – пройти предстояло всего несколько ярдов все по той же извилистой улочке, а вела она прямо к главным воротам. Дорогу Фанни отлично помнила: именно в Новом колледже учился Дуайт, и они иногда обедали вместе в его комнатах. Улочка, прелестный парк, потаенная тропка в парковой глуши (с одной стороны ее защищает высокая стена, с другой – аллея) – все это Фанни знала как свои пять пальцев. По тропке они с Дуайтом гуляли после обеда – там, не видимый посторонним, он мог без помех иллюстрировать свое поклонение Фанни красноречивыми жестами, кои подчеркивали богатство его словарного запаса (Дуайт изучал современные языки, слов у него в распоряжении было вдоволь), а Фанни слушала грачиный галдеж – с детства ее завораживали как сами звуки, издаваемые этими птицами, так и их обычай предаваться любви и скандалить в кронах старых вязов, среди своих неопрятных гнезд. Пообедав с ним, говорил Дуайт, Фанни оказала ему великую честь; комнаты его осияны этой честью, как нимбом, и вечно, до скончания времен, будут сочитать дивный свет... «Ах, Дуайт, не слишком ли это долго? Взгляни на вон того грача – как думаешь, почему он так раскричался – от негодования или от страсти?» – перебивала Фанни, а Дуайт гнул свое: сим смиренным стенам, говорил он, отныне предначертано (а может, суждено) излучать нездешний дивный свет (все-таки предначертано – у Дуайта слабость к длинным словам).

Вот она, проблема с Дуайтом: стоило Фанни оказаться рядом, как ее постигала рассеянность. Фанни была просто не в силах сосредоточиться. К примеру, однажды у нее дома Дуайт, стоя на коленях, называл Фанни прекраснейшим из Господних творений, а она словно раздвоилась: одна половина блаженствовала, а другая волновалась – не забыла ли мисс Картрайт вызвать Гарродса, чтобы вычистил обивку стульев?

Конечно, это нехорошо по отношению к Дуайту: он так мил и так красив, его преданность сейчас очень кстати, – но что поделать? Ладно, Фанни попробует исправиться: всерьез попробует, – а пока до чего приятно идти по тропе (Дуайт называет ее «наша тропа»), пусть даже и без самого Дуайта: Фанни вполне устраивало общество грачей. День был в самом разгаре. Дуайт, думала она, сейчас сидит перед экзаменаторами, бедняжка! Фанни ощутила прилив вполне осознанной любви – ведь сознание ее не было убаюкано неистощимым, до странности монотонным потоком Дуайтова красноречия.

В Оксфорде одиночество не тяготит, сказала себе Фанни, проходя через кованые ворота в парк; не тяготит, потому что оксфордские воспоминания – из разряда свежих: можно не бояться, что вызовут боль. Совсем иначе Фанни чувствовала бы себя, если бы отправилась в Кембридж. Но в Кембридже ноги ее не будет. Она не ездила туда много лет, ибо именно там учился ее бесценный, ее единственный брат; никого Фанни не любила так нежно, как брата. В те считанные недели, которые он успел провести в Тринити-колледже (пока не началась война, пока он не ушел добровольцем на фронт и не погиб в один из первых дней), Фанни проводила в Кембридже каждые субботу и воскресенье. Останавливалась в «Быке», но не столовалась там: все ее трапезы, включая завтраки, имели место в кампусе – в гнездышке комнат, занимаемых братом. Комнаты выходили окнами во дворик Невилла, и вела к ним деревянная лестница.

По мере того как Фанни углублялась в парк (и безо всякой видимой причины), в ней оживали, обретали объем воспоминания о кратком периоде острого, абсолютного счастья. Брат был младше Фанни почти на десять лет, и ради него она пошла бы на все. По сути, она так и

сделала – ведь, даром что Фанни никогда не говорила об этом вслух, она согласилась на брак с Джобом именно ради брата.

Ошеломительно богатый мистер Скеффингтон, имевший вдобавок дар делаться все богаче, стал прекрасной партией для бесприданницы – так думалось Фанни и сначала, и после. Иоганн Себастьян Бах мог творить, что ему заблагорассудится, с кучкой миниатюрных черных значочков, ваять из них одну за другой бессмертные фуги. Аналогичный талант Джоба касался денег: один взгляд – и денежки пляшут у него в карманах. О, Джоб заклинал их не теми собачьими взглядами, которые так раздражали Фанни. Соперники в сфере финансов знали другой его взгляд – твердый как сталь, по-ястребиному бдительный, сосредоточенный. Благодаря острейшему чутью (оно никогда его не подводило) Джоб привлекал к себе деньги, а уж затем манипулировал ими с искусством финансового гения. Неизменно он покупал и продавал ценные бумаги в самый что ни на есть подходящий момент, а в жизни был щедр, и добр, и восторжен, и предан – идеальный зять для разорившегося герцога. Герцог искренне переживал, когда по причине развода прекратилось его родство с Джобом, и переживал отнюдь не только потому, что Джоб был богат, что выручил всю семью.

– Фанни, доченька, может, не надо разводиться? Подождала бы немного, – умолял старик. – Неужели ты не сумела бы, если бы очень постаралась...

– Семь – это перебор, папа, – качнула головой Фанни. – Тем более что это вошло у него в привычку. Если и дальше терпеть, скоро их будет все семьдесят. Неужели ты хочешь, чтобы я закрыла глаза на семьдесят машинисток?

Нет, старик герцог этого не хотел.

* * *

На момент помолвки Фанни брат ее Триппингтон был в подготовительной школе. Фанни поехала к нему и сама все рассказала – пока этого не сделали посторонние.

– Он же еврей! – с отвращением воскликнул Триппи. – Фанни, ты этого не сделаешь.

– Сделаю. Он тебе понравится – он очень хороший, очень добрый человек, гораздо добрее всех наших знакомых и гораздо... гораздо лучше.

– Вспомни, какой у него нос.

– Я помню. Я много думала об его носе. И пришла к выводу, что носы – это еще не все.

– Может, и не все. Погоди, что-то ты запоешь, когда каждое утро будешь наблюдать за столом этот самый нос. Да тебе же бекон в горло не ползет!

– Больше никакого бекона. Я приму иудаизм, а иудеи бекон не едят.

– Ты тоже станешь еврейкой? – вскричал Триппи. Для него это было слишком. – Фанни, опомнись!

Тогда Фанни обняла его и принялась целовать, но он ее оттолкнул, отодвинулся, уронил голову в ладони.

– Ну, будет тебе, Триппи, дурашка, – увещевала Фанни. Она подалась к Триппи, прижалась лицом к его лицу, взмахом длинных ресниц пощекотала ему щеку в надежде, что он улыбнется. – Я так хорошо придумала – не отрезвляй же меня, а лучше благослови, будь хорошим братиком. Пожалуйста, родной мой.

Однако Триппингтон не внял ее речам. Прощедив: «Это мерзко», – после чего вид у него сделался полубезумный, он объявил, что должен немедленно выйти – его сейчас стошнит.

Триппи – тот, ради кого Фанни стала женой Джоба, дабы в свой срок тысячи акров фамильных владений перешли к нему, свободные от долгов по закладным (как веками переходили к его предкам), – давным-давно и навек исчез из ее жизни. И Джоб, который спас для Триппи титул и наследство, исчез тоже. Брата не вернешь – за его спиной лязгнули врата смерти. С Джобом ситуация не столь безнадежная: стоит только Фанни последовать издева-

тельскому совету сэра Стилтона – и Джоб будет с ней ужинать, в то время как Триппи... Триппи... С другой стороны, в долгосрочной перспективе брату повезло – он избавлен от необходимости стареть. Разве не утешительна мысль, что сейчас, когда катастрофа надвигается с чудовищной быстротой, ничто уже не изменится к худшему хотя бы для бесценного, обожаемого Триппи?

* * *

Погруженная в эти мысли, Фанни успела добраться до заветной тропки и пройти приличное расстояние под сенью массивной серой стены, вдоль зеленого газона. Легкая на ногу, грациозная, Фанни представляла собой отраду для глаз, и из аудитории верхнего этажа, прервав дискуссию о Пифагоре, за ней следили двое преподавателей.

– Кто она? – спросил один и подпернул очки на переносице.

– Не знаю, – отозвался другой, проделав со своими очками то же самое. – Впрочем, насколько позволяют судить ракурс и расстояние, эта леди очень недурна собой.

– Расстояние и впрямь великовато. Обыкновенно со спины женщины выглядят иначе, чем спереди. Я имею в виду, со спины они привлекательнее.

– Ваша правда. А вы лично какой ракурс предпочли бы?

– Оба. Однако вернемся к Пифагору...

Продолжая свой путь, Фанни вышла к тому месту, где тропка огибала деревья с грачными гнездами и постепенно, однако существенно, сужаясь, возвращалась к южным воротам парка. В изгибе тропки имелась скамейка; в этот предвечерний и, к слову, морозный час (тем более что солнечные лучи сюда не проникали вовсе) на скамейке сидели юноша и девушка, совершенно поглощенные друг другом. Сомкнув объятия, они целовались; Фанни еще не случилось наблюдать поцелуев столь самозабвенных, столь энергичных. Шапочка девушки упала на землю, но она этого даже не заметила; лица ее видно не было – только затылок с растрепанными темными кудрями, целым каскадом кудрей. Настолько эти двое отрешились от мира, настолько тенист и укромн был выбранный ими уголок, настолько тихи шаги хрупкой, если не сказать «истощенной», Фанни, что ее приближение стало неожиданностью для всех троих. В сумраке Фанни запнулась о две пары ног, что весьма беспечно перекрыли узкую тропку. Донельзя смущенная, сожалея, что нарушила одно из самых интригующих проявлений жизни, Фанни выпалила: «Простите», – и, не поднимая глаз, максимально низко склонив голову, поспешила прочь. И тут влюбленные допустили оплошность, характерную для кроликов: вместо того чтобы замереть в своей позе, шарахнулись друг от друга, – и молодой человек оказался... Дуайтом.

– Ой! – вырвалось у него.

Он вскочил со скамейки, инстинктивно поправил шарф и непроизвольно запустил пальцы в свою шевелюру. Лицо его стало пунцовым.

– Ой! – выдохнула и Фанни – и застыла, впервые за всю свою жизнь не представляя, как выйти из неловкого положения.

Девушка – ее щеки тоже горели, но исключительно от интенсивности поцелуев – осталась сидеть. Кудри ее пребывали в великолепном беспорядке (счастливица, подумалось Фанни, которая даже при таком раскладе сохранила способность к иронии, надо же: у нее такая масса волос, что великолепен сам их беспорядок). В глазах девушки читались разом и стыд, и вызов – откуда, вот откуда эта элегантная леди знает Дуайта?

Вдруг это его матушка? Говорят, богатые американки ужас какие элегантные. Допустим, это его матушка; значит, сейчас начнется. Или уже началось – вон как они с Дуайтом сверкают друг на друга взглядами. А что она такого сделала? Сама получила чуток удовольствия и Дуайту с этим помогла. Что в нем дурного, в удовольствии?

Она дернула Дуайта за рукав и шепнула:

– Если это твоя матушка, представь меня ей.

Увы – на столь ничтожном расстоянии, что разделяло этих троих, шепот инструментом такта не считался.

– Да, познакомь нас, пожалуйста, – произнесла Фанни, которой стало остро жаль Дуайта.

Он что-то промямлил. Фанни не расслышала имени девушки; девушка не расслышала имени Фанни. Мисс Паркер, Перкинс, Парбери, Партингтон – что-то в этом роде: начинается на «пар», заканчивается невнятно и заурядно. Девушка тоже уловила лишь первый слог – «Скефф», и «Скеффа» оказалось достаточно, чтобы убедиться: Дуайт не доводится сыном этой элегантной леди, разве только она вторично вышла замуж и взяла фамилию нового мужа. Допустим, она Дуайтова тетка, но зачем же так смущаться перед теткой? – вот вопрос.

Последовало рукопожатие. Для этого девушке пришлось встать. Она оказалась крепко сбитой, низенькой; вязаный желтый джемпер обтягивал ее тугое, как мяч, без намека на талию тело, однако туги, упруги были и щечки – Фанни отметила данный факт. Сама она держалась легко и непринужденно – и жалела Дуайта, как никогда. Бедный мальчик: сколько он выстрадал из-за отстраненности Фанни, из-за того, что она перестала подпускать его к себе, – а раньше, до болезни, когда и у нее был каскад кудрей, подпускала, позволяла играть ими. Неудивительно, что Дуайт подцепил эту толстушку: юные жизненные соки так бы, кажется, из нее и прыснули, если б не оболочка в виде желтого джемпера; сочная плоть блазнит, кровь играет – прислушайся, и уловишь ее гудение в жилах. Исподтишка разглядывая мисс Паркер, или как там ее, Фанни чувствовала себя непристойно тощей, вроде бы не одетой. Поистине она теперь только бледная тень из прошлого; воспоминания о ней прежней остывают с пугающей скоростью, и какое право она имела вторгнуться в мир живых и юных, где тепло, где сладко – и где ей больше нет места? Фанни даже не покорило предположение, будто она матушка Дуайта: такова была сила всепобеждающей юности мисс Паркер. Дуайт и впрямь годился ей в сыновья; вполне естественно для юного ума было прийти к такому заключению. И как жалок теперь Дуайт, снова подумалось Фанни: стоит, беззащитный, онемевший, не способный и слова сказать – куда только девался его хваленый словарный запас, красноречие?

Однако что же делать дальше? Фанни не представляла. И Дуайт не представлял. С учетом увиденного ею, разговор на общие темы стал бы фарсом. Снисходительная любезность со стороны Фанни только сильнее смутила бы Дуайта. А что до предложения выпить всем вместе чаю в «Митре» или еще где-нибудь – разве полезет чай в горло незадачливому юноше, разве чаепитие не будет для него изощреннейшей пыткой?

Проблему разрешила девушка. Выражение обоих лиц – Дуайта и этой миссис Скефф – не сулило ничего хорошего; рассудив, что негоже портить недавнее удовольствие, мисс Паркер наклонилась, подхватила свою шапку, с детским безразличием – ровно ли, набекрень ли – нахлобучила ее и выдала:

– Мне пора. Надо маме с ужином помочь. Всего хорошего, миссис Скефф, – добавила она, обращаясь к Фанни, а Дуайту бросила по-свойски: – Может, вечером увидимся.

И умчалась вприпрыжку, на ходу застегивая жакет.

После ее ухода Дуайт и Фанни не то чтобы вздохнули с облегчением, но, во всяком случае, ситуация переменилась, хоть и осталась в категории «надо все прояснить, а то будет только хуже».

– Извини, Дуайт, – только и смогла выдать Фанни после мучительного молчания (они медленно шли обратно к воротам). – В смысле, извини за...

За что ее извинить? Вероятно, за то, что она помешала, за то, что споткнулась о разбросанные ноги.

Дуайт, всего несколько минут назад воплощавший отчаянную пульсацию любви сладостной и совершенной, имел теперь единственное желание – никогда не чувствовать и не видеть ничего похожего на любовь, не думать и не слышать о любви.

– Все в порядке, – пробормотал он (руки в карманах, глаза уставлены в землю, ноги шаркают по тропке, то и дело наподдавая камушки).

Ответ неуместный. С другой стороны, бедняге сейчас другого не измыслить – да и какая фраза, в понимании Фанни, была бы уместным ответом?

– Тебе совсем не обязательно меня провожать, – заговорила Фанни после очередной тягостной паузы. – Если только ты не... В смысле, если есть какая-то причина...

Каждая фраза только ввергала ее в новую западню, и Фанни, в конце концов, умолкла.

– Все в порядке, – повторил Дуайт (снова не к месту) и пнул очередной камушек.

Ах, бедный Дуайт: впервые в его обществе Фанни сохраняла способность ясно мыслить, – а у него иссякли все пышные речи.

* * *

Двое преподавателей, увидев, что Фанни вынырнула из-за поворота, стали суетливо поправлять очки. Теперь Фанни шла в их сторону, и оба с удовольствием отметили, что и спереди она очень хороша: ничуть не хуже, чем со спины, – по крайней мере, на таком расстоянии и для близоруких, испорченных греческой философией глаз. О нет, даже не так: Фанни казалась больше, чем просто привлекательной: изумительно прекрасной. Именно такой преподаватели рисовали себе Елену Троянскую.

Пифагор был немедленно забыт. Преподаватели переключились на женщину, что приближалась к их цитадели.

– Я так и знал, что недолго ей ходить без кавалера, – сказал тот из них, что был чуточку старше.

– Да ведь с ней этот американец, родсовский стипендиат, – приглядевшись, сказал тот, что был чуточку моложе.

– Не странно ли, что она выудила его из столь неподходящей локации – зарослей под самой дальней стеной?

– Словно он – младенец Моисей.

– А она – дочь фараона.

– Дочерью фараона она вполне могла бы быть – равно как и дочерью какого-нибудь божества.

– Странно, что американец не ликует.

– Разве? А вообще-то вы правы. Ишь, голову повесил.

– Вот именно. Как будто недоволен.

– Впечатление, что его на казнь ведут. Непостижимо! *Si jeunesse savait...*⁹

– О, как вы правы, коллега. Как вы правы. Кстати, что вы там говорили о своей теории?..

Странная пара подошла к зданию вплотную, ее уже было не видно – разве только если свеситься из окна по пояс, что преподавателям не подобает. Делать нечего – пришлось вернуться к Пифагору.

⁹ Если бы молодость знала... (фр.).

Глава 3

Весь Оксфорд был занят пятичасовым чаем, когда Фанни переступила порог того самого отельчика, в котором завтракала. С Дуайтом она простилась у лестницы, что вела к нему в комнаты: сослалась на некую важную встречу – мол, только ради этой встречи она вообще приехала в Оксфорд. Вымучила улыбку: сама знала, что получилось неубедительно, – поблагодарила Дуайта, когда он предложил проводить ее до нужной двери, где бы эта дверь ни находилась, и заверила, что прекрасно доберется и одна, незачем Дуайту беспокоиться. Из всех сил постаралась, чтобы в голосе не слышалось ни намек на обиду, и ушла прочь из Дуайтовой жизни – в ранние сумерки. В будущем этого юноши Фанни вообразить себя не могла. «Он – мой последний, – думала она, и от этих слов веяло холодом убежденности. – Шестое чувство говорит: последний. Да и Байлз был прав – дни любви прошли для меня безвозвратно».

На прощание Фанни протянула Дуайту руку и сказала:

– Не переживай: с кем не бывает...

Опять не те слова. Дуайт вполне мог прочесть в них отталкивающее великодушие, или вообразить, что эпизод сойдет ему с рук, поскольку Фанни рассчитывает на продолжение отношений, или решить, что он Фанни безразличен – был и есть.

Нет, все не так. Лучше было бы проститься вообще без слов.

Из расписания, купленного на вокзале, Фанни узнала, что следующий поезд до Паддингтона отходит через час с лишним, и решила выждать это время в отельчике – там одна-единственная старая леди, а кафе при крупных отелях сейчас переполнены. Старая леди больше не внушала отрицательных эмоций, наоборот: Фанни надеялась успокоиться в ее обществе, перенестись на двадцать лет вперед (когда сегодняшней казус станет делом давним, прошлым, почти забудется, ну, или по крайней мере будет вспоминаться с улыбкой).

Однако, пока Фанни шла к отельчику (сумрак сгущался, в руке был зажат листок – расписание поездов), ей вдруг подумалось: зачем ждать целых двадцать лет? Почему бы не улыбнуться прямо сейчас? Столь часто она посмеивалась над собой – так не лучше ли изъять этот нелепый случай из памяти проверенным средством – старым добрым смешком?

«Не трави себе душу, Фанни», – остерегла одна половина сознания.

«А я и не травлю», – парировала другая.

Тем не менее Фанни душу травмила. Ее обманули. Дурой выставили. Она пережила кошмарнейшее из всех возможных унижений; ей словно швырнули в лицо пригоршню пыли, да не простой, а приберегаемой для таких женщин, как она: что в зрелые годы позволяют себе романтическую близость с юношами. Притом у некоторых есть хотя бы оправдание – физиология: их, несчастных, снедает не по годам мощное любовное томление. Фанни же снедало тщеславие, и только оно: даже увядая, она была обуреваема желанием чувствовать прежнюю власть, снова и снова убеждаться в неотразимости чар своей красоты.

Зачем вообще она, Фанни, понадобилась Дуайту? Ему-то что была за корысть? Очень просто, хотя сама догадка способна сразить наповал: да, конечно, Дуайт (несмотря на молодость, готовый продукт американской культуры) пользовался Фанни как пропуском в высшее общество. В ее доме он мог встретить – и встретил – всех, кого считал нужными людьми. Фанни рассчитывалась за преданность тем, что обеспечивала Дуайту головокружительные знакомства. С ее помощью Дуайт стал настоящим светским львом, а в ответ он, бедный мальчишка, тужился, пыжился, измышлял все новые пышные эпитеты! Фанни принимала их за чистую монету. Панегирики ее утомляли, однако она верила каждому слову. Был случай: Дуайт сидел у ее ног, а она, запустив пальцы в шевелюру, гладила его и утешала (она! его!), потому что он выдал: не знаю, мол, не представляю, как бы жил без милой Фанни. Она и это скушала.

Впечатляющая всеядность, поразительный аппетит. А сколько раз – и как! – Фанни развлекала Дуайта...

«Фанни, не трави себе душу».

«Я не травлю».

* * *

Между тем, день старой леди дошел до приятнейшего часа, каковой она занимала пасьянсом, прежде чем подняться к себе в номер готовиться к ужину (подготовка подразумевала набрасывание на плечи кружевной накидки без перемены платья). Правда, она успела неплохо вздремнуть, уже напилась чаю и съела весьма недурной тостик с маслом (в «Синей собаке» вообще недурно готовили такие тостики). Настроение ее было совсем не то, что утром: чай, черный, очень крепкий, неизменно бодрил ее, масло с тостика имело эффект смазки на шестеренки мозга, и вращались они живее и мягче. Таким образом, если в сутках и был момент, более-менее благоприятный для подступов к старой леди, этот момент настал.

И, однако, старая леди ничуть не обрадовалась, когда Фанни, робко приоткрыв дверь, спросила:

– Можно мне здесь посидеть при условии, что я не стану курить?

Почти с той же сварливостью, как и до дневного сна, чая и тостика с маслом, старая леди буркнула:

– Управляющий вам разрешил бы.

И вернулась к своему пасьянсу, словно была в комнате одна.

Фанни уселась у камина подальше от старой леди, сняла перчатки, стала греть свои тонкие руки и предпринимать усилия для вытеснения Дуайта из памяти.

Старая леди продолжала класть карты на сукно, однако периодически взглядывала на Фанни поверх очков. «Не подфартило ей», – решила наконец старая леди. Фанни казалась ей более изможденной, чем с утра: определенно ее вылазка не имела успеха. А поскольку старая леди склонна была скорее симпатизировать потерпевшим неудачу, нежели получившим желаемое, поскольку щедрая порция масла на ее тостике способствовала пробуждению человеколюбия, старая леди вдруг обратилась к Фанни с вопросом:

– Вы что ж это – и чаю себе не закажете?

Фанни рассеянно огляделась. Поднос с чашкой, чайником и прочим еще не унесли – чайные принадлежности пребывали на столе, создавая ложное впечатление уюта в этой обшарпанной гостиной. Горели лампы, шторы были задернуты, и в отсветах камина старая леди менее походила на труп, чем помнилось Фанни: не только не казалась мертвой, напротив – выглядела оживленной, удовлетворенной скромными радостями, даже смаковала их, хоть и на свой лад, то есть как подобает особе почтенного возраста. «Неужели возможно довольствоваться столь малым? – мысленно изумилась Фанни. – Неужели так бывает – человек лишается всего, что делало жизнь приятной, и все-таки не ропщет? Но вдруг эта старая леди ничего и не лишалась – просто у нее изначально ничего такого особенного не было? Тогда ей и тосковать не о чем и роптать не на что; тогда для нее это естественное состояние».

– Пожалуй, закажу, – ответила Фанни.

Она потянулась к каминной полке, взяла колокольчик, позвонила.

– Из их ассортимента можно рекомендовать очень немного, – сказала старая леди, – однако я могу рекомендовать – и рекомендую – тостики с маслом.

– Спасибо, тогда я закажу парочку тостиков с маслом, – ответила Фанни и добавила, решив, что беседовать с персоной незнакомой и непредвзятой будет продуктивнее, чем в молчании силиться забыть Дуайта: – Гостиничная жизнь, наверное, очень утомляет?

– Будто сами не знаете, – фыркнула старая леди.

– Откуда же мне знать?

– А вы разве не из репертуарного театра?

– Вы имеете в виду шумных актеров, о которых говорили утром? Нет, я не из их числа.

– Вот как? А я думала, вы актриса. Я судила по цвету ваших волос.

– Цвет вполне натуральный, – поспешно сказала Фанни (слишком поспешно, ибо это была неправда).

– Неужели? – процедила старая леди, сопроводив это единственное слово многозначительной паузой.

Разумеется, нынче Фанни получила достаточно ударов. Этот дополнительный укол погоды не делал, вот Фанни и подумала: «Бедная старушка, да ведь она ничуть не успокоилась: если бы успокоилась, не язвила бы». Значит, не бывает стариков, со своим возрастом смирившихся? Неужели старческая воркотня, вздорность, сварливость – неизбежны? Леди Лапландская ночь совсем не такая, – она свежа, она госпожа своим годам (и связанным с ними эмоциям): однако на пример для подражания не тянет, ибо является чистейшим вымыслом; нереальность – вот ее изъян. Сейчас перед Фанни старая леди иного сорта – реальная: она занята пасьянсом, иссохшие губы ее поджаты. Пройдет лет двадцать, а может, и меньше – учитывая, с какой скоростью разрушается красота Фанни, – и ее лицо сделается похоже на полупустую сумочку, защелкнутую клювом тощего рта. О, бесчисленные бесчестья старости! Как тут поверить в свежесть лапландской ночи? И Фанни решила: она проявит снисходительность к этой старушке – явленному ей образу собственного жалкого будущего – в надежде, что кто-нибудь по-доброму отнесется и к ней самой, когда она в свой черед станет беззащитной.

Впрочем, старая леди беззащитной отнюдь не была: знай она о том, как Фанни настраивается на снисходительность, возмутилась бы.

– Стало быть, – заговорила старая леди, сочтя, что довольно помучила Фанни своим многозначительным молчанием, – вы не актриса; тогда кто же вы? Ответьте, сделайте милость.

– Я женщина почти пятидесяти лет, – неожиданно для себя выпалила Фанни.

Старая леди сняла очки, отложила их и воззрилась на Фанни. Набрякшие веки оставляли ей для обзора только пару узехоньких щелок, но и в щелках этих светился, как бы исподволь, неподдельный интерес.

– Вот так смелость, – протянула старая леди. – Могу я узнать, зачем вы мне это сказали?

– Затем, что об этом все мои мысли. Абсолютно все. Незнакомому человеку открыться легче, чем близкому. А еще я подумала: может быть, вы меня как-то утешите.

В эту минуту вошел весьма развязный официант: услышал, как Фанни звонила, – и старая леди была избавлена от комментария на предположение, будто она утешит Фанни. С чего это она станет утешать? Когда ей стукнуло пятьдесят, разве ее кто-нибудь утешил? Как бы не так! Не получила она утешения ни в шестьдесят, ни в семьдесят, ни в восемьдесят. Нет, каждый пусть выживает как умеет – и самостоятельно. Хлюпиков старая леди на дух не выносила.

– А я вот навскидку дала вам все шестьдесят, – брякнула она и, заметив, как передернуло ее собеседницу, добавила: – Раз уж мы тут с вами откровенничаем.

– Шестьдесят, – повторила Фанни; слово далось ей не без усилий.

Шестьдесят. Если она и впрямь так выглядит, разве удивительно, что Дуайт...

Несколько мгновений она пристально смотрела на старую леди, вертя кольца на пальцах.

– В таком случае почему вы решили, будто я играю в репертуарном театре? Разве меня взяли бы в труппу, будь мне на самом деле ше... шесть... – Нет, Фанни положительно не могла еще раз повторить это слово.

– Я подумала, вам поручают роли герцогинь. Этаких, знаете, престарелых благородных дам. Вы вполне сойдете за таковую; правда, у них обычно пышные бюсты. В общем, если бы вы не пытались молодиться с помощью платья, а эта комната была бы театральной сценой, вы смотрелись бы здесь вполне к месту. А еще...

– Послушайте, вы сами предложили мне выпить чаю, – перебила Фанни. – Чай заказан – я уже не могу уйти. Так давайте поговорим – по-настоящему, по душам. Мне так необходимы сейчас прямота и откровенность. С незнакомыми людьми это возможно. Вы не против? Как знать – вдруг мы обе будем полезны друг дружке? Вы старше меня, поэтому я прошу вас о таком разговоре. – Тут Фанни запнулась, охваченная ужасным сомнением: она теперь сомневалась буквально во всем. – Вы ведь и впрямь старше меня, я не ошиблась?

– Конечно, – фыркнула старая леди, сразу отбросив абсурднейшую идею насчет взаимопомощи. Надо же такое придумать. – Мне восемьдесят три, чему я очень рада. Больше никаких хлопот о внешнем виде. Впрочем, я и раньше не хлопотала. Я никогда не занималась своей внешностью – в отличие от вас.

– Нет, все было наоборот. Это моя внешность мной занималась. Как начала прямо с колыбели, так и продолжает меня вести... – Фанни прикусила язык, заметив, что морщинистое лицо старой леди исказила усмешка. – То есть, так было до недавнего времени – совсем-совсем недавнего. И знаете, что мне открылось? Что это скверная штука – родиться красивой.

– Скажете тоже! – фыркнула старая леди (слова Фанни возмутили ее).

– И тем не менее это так. Родиться красивой, жить с красотой – очень плохо.

– Скажете тоже! – повторила старая леди, после чего не удержалась – съехидничала: не надо, мол, себя переоценивать.

– Я себя не переоцениваю, – заявила Фанни.

– Скажете тоже, – в третий раз фыркнула старая леди и сообщила Фанни, что истинных красавиц во всей мировой истории можно пересчитать по пальцам одной руки.

– Ну так вот я – одна из них, – настаивала Фанни.

Возмущенная ее упорством, старая леди принялась барабанить пальцами по столешнице.

– Неужели по мне этого не видно? – спросила Фанни. – Приглядитесь – неужели не осталось ни единого следа былой красоты?

Старая леди отвернулась, самой резкостью движения как бы говоря: «Не стану я приглядываться!» – и ускорила ритм барабанной дроби.

– Но ведь мы решили быть откровенными, – напомнила Фанни. – Вы сами так сказали – что разговор у нас пойдет начистоту. Так давайте отбросим салонные любезности и недомолвки. Об этом я могу поговорить только с вами – незнакомой дамой, которую больше никогда не увижу. У меня скоро поезд, я уйду – а вы умрете... в смысле, вы ведь умрете, это неизбежно... И я умру, причем, возможно, еще раньше вас... – (Последнее уточнение Фанни внесла, заметив, как вздрогнула в свою очередь старая леди.) – Нам предоставлен шанс поговорить откровенно: второго шанса не будет, – а мы все никак не расстанемся с условностями! Мы же теряем драгоценные минуты!

– А если условности мне по нраву? Если я предпочитаю их откровенности и прямоте? – отчеканила старая леди.

– Разве у вас в запасе так много времени? – Фанни округлила глаза.

Старой леди, чтобы переварить это уточнение, понадобилось добрых две секунды.

– Ответный удар, значит, мне наносите, – протянула она.

Точно так же, как Фанни задело предположение, будто ей все шестьдесят, старую леди покоробил намек на скорую смерть. Ибо чем дольше она жила на свете, тем сильнее угнетала ее мысль, что свет этот все же придется покинуть. Обидно, особенно теперь, когда умерли все родственники и она наконец-то избавилась от объектов для раздражения. Ничем не нарушаемая рутина стала ее крепостью, дни текли за днями в умиротворяющем однообразии – о, старая леди научилась его ценить. Конечно, жизнь ее была бессобытийна, – но события ей и не требовались. Они уже случались – пусть не в избытке, но в достаточном количестве. Теперь старая леди нуждалась только в тепле, пище, сне и гарантиях, что следующий день будет точь-в-точь как предыдущий.

Иными словами, если ее запросы столь скромны, почему бы им не удовлетворяться еще много лет? На здоровье старая леди не жаловалась: ни на умственное, ни на физическое, – правда, несколько располнела, но это пустяки, нет причин бить тревогу. Зато она ни разу не упала в ванне (к чему склонны столь многие пожилые люди), потому что она вообще не залезает в ванну. И почему бы ей, при таком раскладе, не дожить до ста лет? И по какому праву эта дурно воспитанная особа сделала столь варварское предположение, будто у нее времени в обрез? Прямота слишком легко обращается в грубость, – именно поэтому не годится для бесед.

Вошел официант с подносом. Он слишком долго возился, расставляя на столе принадлежности для чаепития, однако дурно воспитанная особа считалась с ним не более, чем с самим чайным столиком, то бишь упорствовала в откровенности и прямоте.

– Вы не понимаете, – заявила она. – Я вовсе не хочу никого обидеть. Просто я очень несчастна.

– Тогда пейте чай, покуда не остыл, – съязвила старая леди, главным образом желая дать понять официанту, что в комнате находится по крайней мере один здравомыслящий человек.

Старую леди покорило, что ее непрощенная собеседница игнорирует официанта. Что он подумает? Ему ведь известно, что она, постоянная гостья отеля, раньше с этой особой не встречалась, так какие выводы сделает официант из этих ее откровений? «Просто я очень несчастна!» – мысленно передразнила старая леди, а вслух сказала, дождавшись, пока уйдет официант (он и дверь за собой закрывал слишком медленно, словно хотел подслушать как можно больше):

– Замечу, с вашего позволения, что «спасибо» говорить вам следует только самой себе. Возможно, условности, на которые вы не считаете нужным тратить драгоценное время, будучи взяты в умеренном количестве, несколько улучшили бы ваши перспективы – в целом, я имею в виду.

– Мои перспективы! В целом! – воскликнула Фанни и повторила с усмешкой: – Святое небо! Мои перспективы!

– Только мне о них не рассказывайте, сделайте одолжение: знать не хочу про ваши перспективы, – поспешила предупредить старая леди и даже руку вскинула в знак запрета.

Фанни сорвала шляпку с алым перышком, швырнула на диван, волосы заложила за уши. Голова у нее раскалывалась. Определенно она дура, и разве не была дурой все последние месяцы? Да, безнадежная закоренелая дура – только такая могла возиться с Дуайтом. И вот она снова по-глупому ошиблась – в отчаянном своем положении вообразила, будто найдет утешение у этой старухи с каменным сердцем.

– Вы так и не поняли, – вздохнула Фанни, под села к столику и налила себе очень крепкого чая.

Теперь, без этой вызывающей шляпы (рассуждала старая леди), незнакомка производит несколько более благоприятное впечатление. Пожалуй, в ней действительно еще видны следы былой красоты. Взять хотя бы неоспоримую невинность этого высокого лба – она никуда не делась, даром что о падении говорят накрашенные ресницы и губы. Дочь скульптора (да не простого, а произведенного в рыцари ее величеством королевой Викторией), старая леди в юности наслушалась разговоров о формах; теперь она поняла, что представленные ее взорам лоб и прочее были бы высоко оценены как отцом ее, так и его друзьями. Да, лоб очень хорош, а что до висков, от них прямо-таки веет непорочностью.

Впрочем, черепные кости – это еще не все: их благородству не облагородить столь ярко накрашенного лица. Тут старая леди слегка улыбнулась – надо же, она до сих пор каламбурит и получает от этого удовольствие; не зря родные, особенно отец, хвалили ее остроумие. «Мод, – говорил отец, – вот эту остроуту я на твоём месте отослал бы в «Панч». Пускай телесный ее возраст – восемьдесят три года, возраст душевный куда меньше, а ведь тело душой живо, не так ли?»

– Все я поняла, и преотлично, – завелась старая леди. – Вам стукнуло пятьдесят, и вы от этого не в восторге. Вы подурнели, и это вам тоже не нравится. Вы мне выход буквально забаррикадировали, и к тому же догадались: в номере у меня холодно, так что я не стану рваться из этой гостиной и вы сможете в свое удовольствие изливать на меня свои горести, а интересуют они меня или нет – что вам за дело? Знаете, кто вы? Родная сестра старого морехода!¹⁰ Подобно всем эгоистам вы, наверное, родились на свет с этой способностью – отлавливать слушателей, не расположенных внимать вашим речам.

И старая леди шлепнула на стол очередную карту.

– Старый мореход! Точно! – воскликнула Фанни, да так и замерла – с чайником в руке. – А я все вспоминаю, вспоминаю – с самого ленча, с тех пор, как вы взялись мне жаловаться.

– Кто, я?

– Я потому и ушла – вы меня прищучили, совсем как этот старый мореход.

– Это я-то вас прищучила? – Усохший рот широко открылся, образовав правильную окружность, – старая леди отчаянно отпиралась.

– Ладно, не прищучили, но отловили слушательницу, не расположенную вам внимать, – улыбнулась Фанни.

– Да я... да я в жизни ничего подобного не делала! – вскричала старая леди, возмущенная до глубины души. – А если вы вообразили, будто я могу хотя бы помыслить об отлове незнакомой мне особы, притом такой, которая...

– А по-моему, – Фанни как ни в чем не бывало долила в свою чашку до краев, – наши с вами отношения доросли до откровенности в высшем ее проявлении.

– Под откровенностью вы, конечно, разумеете грубость...

– Нет, прямоту.

– Какая разница!

– Существенная. Грубость всегда направлена на конкретного человека, а мы с вами на личности не переходим. Мы просто говорим прямо, потому что нам больше не грозит встретиться.

– В таком случае к чему: к прямоте или к грубости, – вкрадчиво начала старая леди, – отнесете вы мой на это ответ «ну и слава богу»?

– Я сочту такой ответ правдивым, – снова улыбнулась Фанни.

Она снова улыбнулась – она, которая менее часа назад...

Глядя на пламя в камине, Фанни принялась за тостик. Она словно позабыла о старой леди и перенеслась в парк Нового колледжа, вторично едва не споткнувшись о две пары ног...

– Уже уходите? – с надеждой спросила старая леди, поскольку Фанни вдруг резко отодвинулась от камина.

– Мне жарко, – объяснила Фанни. Она действительно ощущала душный зуд, да только огонь в камине был тут ни при чем.

– Вот как. А я подумала, вам пора, – протянула воспрянувшая было старая леди.

– Я вызвала такси. Не могу ведь я уйти, пока оно не приедет.

– И когда это случится?

– Теперь уже скоро.

– Знаете что? Поскольку я согласна с вами насчет невозможности нашей новой встречи, я вам скажу одну вещь...

– В смысле грубость?

– Нет, правду. Впрочем, воспринимайте как вам угодно. А теперь склоните слух. Итак: хотя внешность ваша играет против вас...

¹⁰ Герой поэмы С. Колриджа «Сказание о старом мореходе».

– Зачем так говорить? – перебила Фанни. – Мы с вами выйдем совершенно по-разному, однако я не считаю, что ваша внешность играет против вас, равно как и моя едва ли играет против меня. Пути в жизни мы избрали разные, только и всего.

– Совершенно разные. Позвольте же закончить мысль. Хотя ваша внешность играет против вас – вам это подтвердит любой священник или просто солидный человек, – в целом вы производите впечатление интересной личности. Или нет, не совсем так: слово «интересной», пожалуй, здесь лишнее. Скажем без ненужного пафоса – вы определенно личность.

– Да, – кивнула Фанни, нашарила в сумочке сигарету, прикурила, но тут же воскликнула: – Ой, простите! – и швырнула ее в камин, ибо старая леди нарочито закашлялась. – Да, – продолжила потом с серьезным видом, – я часто думала, что из меня вышло бы что-нибудь путное, стоило мне только собой заняться.

Дверь открылась.

– Ваше такси ждет, мэм, – объявил официант.

– Ну, может, не так уж часто, – поправилась Фанни, беря шляпку. – Мой образ жизни не предполагал размышлений. Точнее будет сказать – я думала об этом периодически.

– Ваш образ жизни? – повторила старая леди. Подозрения ее проснулись, собственный комплимент показался преждевременным. – Неужели вы и впрямь...

– Да. Я и впрямь пятидесятилетняя женщина, – отрезала Фанни и встала.

С тщательностью, диктуемой исключительно давней привычкой, она принялась, глядя в надкаминное зеркало, пристраивать на голове шляпку – словно от шляпок все еще что-то зависело.

– Вот заладили про свои пятьдесят лет! Хватит, наслушалась, – капризно протянула старая леди.

– Это не все, – не смутилась Фанни, поправляя локон и оценивая эффект, словно от локонов все еще что-то зависело. – Я не просто пятидесятилетняя женщина, я – дура.

– В этом сомнений с самого начала не было, – заверила старая леди.

Готовая к выходу, Фанни взяла перчатки и отчеканила:

– Сегодня днем – если точнее, после ленча, а если еще точнее – сразу после того, как я покинула эту гостиную, – мне открылось, что нет дуры более безнадежной, чем дура старая.

– Я так и знала, что вам нынче не подфартило! – был ей исполненный триумфа ответ. – Только не посвящайте меня в подробности, – быстро добавила старая леди, предостерегающе вскидывая руку. – Не то ваш поезд уйдет.

* * *

Между Оксфордом и вокзалом Паддингтон поезд делал всего одну остановку – на станции Слау. До этой остановки Фанни, одна-одинешенька в купе, предавалась горьким размышлениям.

«Нужно все как следует обдумать, – сказала она себе. – Не может быть, чтобы ошибались все без исключения».

Пренеприятнейшее это занятие – обдумывать, да еще по столь крайней необходимости. Фанни считала себя женщиной стойкой и здравомыслящей: полагала, что, выпави ей испытание, проявит героизма не меньше, чем ее прославленные прашуры. И вот оно выпало, встало на ее доселе усыпанном розами пути – банальное, самое что ни на есть житейское дело в глазах окружающих; дело, отнюдь не стоящее героизма. Проявлять героизм по столь ничтожному поводу просто нелепо. Ибо разве не смешна и не жалка женщина, поднимающая шум только потому, что в свой черед постарела и утратила красоту? Однако для женщины, которая всю жизнь была бесподобно хороша, поистине трагично обнаружить, что красота составляла всю ее суть, и вот теперь, когда она утрачена, исчез и стержень, и держаться больше не за что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.